E 82/1392 37/ 98

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

ЛОМОНОСОВЪ, КУЛИБИНЪ, ВЛАСОВЪ, СЛѢПУШКИНЪ, КОЛЬЦОВЪ, ЕРМАКЪ ТИМОФѢЕВИЧЪ, МЕНЬШИКОВЪ, ПОТЕМКИНЪ, СПЕРАНСКІЙ, СУВОРОВЪ, МИНИНЪ, ПОЖАРСКІЙ, СУСАНИНЪ.

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАШИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛЪ.

Составилъ Волженскій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ [1872]
Издатель книгопродавецъ Василій Алексѣевичъ Исаковъ, на углу Караванной и набережной Фонтанки, у Симеоновскаго моста, д. Раля, кв. № 8.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
1505-99

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 Марта 1871.

2007066390

Типографія М. О. Эттингера. Б. Мѣщ., д. № 14 — 37

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

По Новаковскому.

Хоть и говорятъ, «что талантъ и счастіе отъ Бога», но случается иногда, что человѣкъ самъ ни по чьей, какъ по своей собственной винѣ калѣкой, да нищимъ-то дѣлается; иному и таланты Богъ дастъ, а онъ ихъ на вѣтеръ развѣетъ, а послѣ на Бога ропщетъ, да на свою долю плачется, а кто какъ ни самъ виноватъ тутъ во всемъ. Правда, что не всякому легко счастье въ руки дается, и не всякому одинаковые таланты отъ Бога даны, но отъ человѣка зависитъ найдти его, и отъ него зависитъ тѣ таланты развить, что Богомъ даны; вѣдь никакое знаніе само не придетъ, безъ труда ни чего не дается, а «терпѣнье и трудъ все перетрутъ;» вѣдь и «капля дождя долбитъ камень не силою, но частымъ паденіемъ», вѣдь были-же такіе, что и изъ простаго народа въ люди выходили, славою и почотомъ пользовались, а чѣмъ, какъ ни трудомъ, да волей крѣпкою они и на дорогу-то вышли. Къ числу такихъ принадлежитъ и Ломоносовъ, и другіе, съ которыми я васъ и намѣренъ познакомить. Какъ поучительна должна быть для васъ жизнь такихъ людей. Михайло Васильевичъ Ломоносовъ былъ сынъ крестьянина

янина рыбака, родился въ 1711 году, въ Архангельской губерніи, Холмогорскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Денисовкѣ. Когда Михайло подросъ, отецъ его часто бралъ съ собою, отправляясь за рыбой или въ Архангельскъ, или въ Бѣлое море. Какъ мальчикъ любознательный, Михайло внимательно тамъ прислушивался ко всякимъ разсказамъ и разговорамъ; сядутъ бывало въ кружокъ рыбаки, идетъ у нихъ о чемъ нибудь бесѣда, а онъ ужъ непременно подсядетъ къ нимъ, навостритъ свои чуткія уши, сидитъ, какъ убитый и глазъ не сморгнетъ и все то-бы ему хотѣлось знать, пристанетъ бывало къ отцу разскажи вишь ему: «что это за солнышко такое, откуда оно берется утромъ, да куда прячется вечеромъ, отчего это то вдругъ тепло, то вдругъ сдѣлается холодно? но кто же былъ тогда въ состояніи объяснить ему это.

Вотъ какъ подумаешь какіе вы-то счастливые, у васъ есть и книжечки, захотѣлось вамъ о чемъ нибудь узнать, вы можете купить себѣ книжечку, или достать гдѣ, да прочесть; есть и учитель, чего не поняли, онъ объяснитъ вамъ, но каково было нашему бѣдному рыбаку, мало-ли что хотѣлось-бы знать чего самъ не понимаешь; прочелъ-бы книжечку, да ее ни за какія деньги достать было нельзя, какъ зимою свѣжихъ вишенъ, а грамотнаго-то встрѣтить на диво. Лѣтъ полутараста тому назадъ такихъ школъ, какія теперь у насъ есть почти въ каждомъ селѣ, тогда

и въ поминѣ не было, правда, были школы въ Москвѣ, Кіевѣ, Питерѣ, но тѣ школы были не для обученія крестьянскихъ, а поповскихъ, да дворянскихъ дѣтей, не то что теперь, кто бы ни захотѣлъ учиться была-бы только охота, да желаніе, для всѣхъ открыты двери, каждый можетъ, если пожелаетъ, сдѣлаться человѣкомъ и стать на торную широкую дорогу.

Впрочемъ какъ-то разъ удалось нашему Михайлѣ достать гдѣ-то двѣ книжечки, въ какой-же ужъ онъ отъ нихъ былъ радости, такъ берегъ ихъ и лелѣялъ, что ни на одну минуту съ ними не разставался; куда-бы только онъ ни пошолъ, и ни поѣхалъ, а ужъ книжечки не забудетъ таки взять съ собой, а чуть только выпадетъ свободное времячко, уйдетъ себѣ куда нибудь въ лѣсокъ, аль на огородъ заберется, сидитъ, да почитываетъ ихъ; къ несчастію грамотѣ-то онъ былъ обученъ кое-какъ, какъ говорятъ, на мѣдные гроши, потому что дьячекъ, у котораго нашъ Ломоносовъ учился, заставлялъ его все читать больше церковныя книги, понятно, что онъ плохо понималъ, что въ тѣхъ книгахъ было написано, да ужъ больно къ ученью-то охота у него была.

Отъ кого-то узналъ нашъ Михайло, что есть въ Москвѣ такія училища, гдѣ дѣтей грамотѣ учатъ, и крѣпко онъ задумалъ въ головѣ своей, какъ-бы туда ему поступить. Ужъ не одинъ разъ онъ даже поговаривалъ объ этомъ съ отцомъ своимъ, но тотъ хоть

человѣкъ-то былъ и неглупый и понималъ, что ученье дѣло хорошее, будь еще училище подъ руками пожалуй-бы и самъ отдалъ; а то вѣдь шутка сказать, даль какая въ Москву, да къ тому же и жаль было разстаться-то съ сыномъ, а главное что некому было замѣнить его старика, помочь въ торговлѣ ему, такъ на отрѣзъ и отказалъ ему, сказалъ, чтобы онъ онъ ужъ лучше объ этомъ и не думалъ; старику и такъ не нравилось, что сынъ его все больше только книгами занимался, чѣмъ своимъ дѣломъ «Ну, на что эта грамота рыбаку, занимайся-ко ты лучше своимъ дѣломъ, оно для тебя будетъ и понужнѣе и пополезнѣе, вѣдь прожилъ же я вѣкъ рыбакомъ и грамотѣ не зналъ, а живу, слава тебѣ Господи! не хуже другихъ.»

Крѣпко огорчился нашъ Михайло отказомъ отца, увидалъ онъ, что съ нимъ объ этомъ больше толковать не стоитъ, и послѣ долгаго раздумья рѣшился потихоньку уйдти изъ дому, «что будетъ то будетъ», подумалъ онъ и выбравъ темную, претемную ночь, пустился въ путь, Чего, чего только не передумалъ бѣдняга на пути, пытался было и назадъ вернуться и учиться-то хотѣлось да и старика-то было больно жаль одного бросить, но какая-то непостижимая сила все толкала его впередъ, какъ будто онъ предчувствовалъ, что его ожидаетъ.

День и ночь онъ то шолъ, то бѣжалъ, одежонка-то

на немъ была плохенькая, а дѣло было зимою, а ужъ какіе морозы лютые были, что не приведи-то Богъ, птицы на лету замерзали; страху, страху-то одного натерпѣлся сколько сердечный, ужъ и передать нельзя; парень онъ былъ еще молодой, кромѣ Архангельска, да Бѣлаго моря нигдѣ не бывалый, а дорога глухая, ему незнакомая, и деревень-то нѣтъ на пути, гдѣ бы хоть остановиться можно было, да пообогрѣться хоть чуть, а то приходилось идти все лѣсомъ; днемъ-бы еще ничего, не такъ страшно, хоть по крайней мѣрѣ съ дороги-то не собьешься, а въ темную-то ночь каково, не трудно вѣдь и волкамъ голоднымъ на зубъ попасться, диво еще только, какъ спасъ его Богъ.

Такимъ образомъ прошолъ онъ отъ дому верстъ съ 90; идти дальше было нельзя, не было у него ни хлѣба, ни денегъ. Къ счастью его еще на дорогѣ ему попался какой-то монастырь, въ этотъ-то самый монастырь и поступилъ на время нашъ Михайло, чтобы отдохнуть хоть немного, да поправиться съ силами, а то ужъ больно измучился и утомился сердечный. Но не долго оставался онъ въ монастырѣ, пробывши нѣсколько дней, пустился снова въ путь. Пройдя нѣсколько верстъ, встрѣтилъ онъ на дорогѣ обозъ, шолъ онъ съ рыбой въ Москву. Не мало удивились тому земляки, увидавъ на дорогѣ знакомаго имъ парня. «Чтобы это такое

значило, братцы, говорили они промежъ себя, это никакъ и взаправду нашъ Михайло, куда это его несетъ Господь, ужъ не въ Москву ли идетъ,» и какъ узнали они отъ Михайло, что онъ ушолъ безъ отцовскаго позволенія и идетъ въ Москву, чтобы поступить тамъ въ училище, такъ рты и разинули, больно ужъ имъ чудно показалось, такъ удивилъ и напугалъ ихъ Ломоносовъ, что они не знали, какъ бы его имъ поскорѣе съ рукъ сбыть, «а то еще пожалуй, подумали они, за этого бѣглеца-то намъ отвѣчать придется.» Долго уговаривали они Михайло, чтобы вернулся онъ лучше назадъ къ отцу, но онъ и слушать ихъ не хотѣлъ; подумали, подумали мужички, жаль имъ стало Ломоносова «вѣрно тутъ дѣло Божіе» рѣшили они, «такъ и быть, братцы, возьмемъ ужъ его съ собой, нешто много ему надобно, авось онъ насъ не разоритъ», и согласились они его принять въ свою компанію.

И представить себѣ нельзя въ какой былъ радости нашъ Михайло, что мужички позволили ему идти за обозомъ; теперь ужъ ему нечего было больше бояться сбиться съ дороги, умереть съ голоду, или быть заѣдену голодными волками. Но честный Михайло не хотѣлъ даромъ ѣсть чужой хлѣбъ, не остался онъ въ долгу у земляковъ, а въ продолженіи всей дороги онъ дѣлалъ для нихъ все, что только могъ: гдѣ за лошадками посмотритъ, а гдѣ воза покараулитъ. Такъ

три недѣли шолъ нашъ бѣдный рыбакъ и въ вьюгу и холодъ за обозомъ, пока добрался наконецъ до Москвы. Богу одному только было извѣстно, что происходило въ душѣ Ломоносова при въѣздѣ въ нее, все это ему казалось, что онъ видитъ во снѣ, а не на яву.

Но вотъ онъ благополучно достигъ до Москвы, но чѣмъ-же онъ теперь жить то будетъ, куда онъ дѣнется, гдѣ найдетъ себѣ пристанище; вѣдь здѣсь не на родинѣ, не у отца съ матерью; въ карманѣ ни копѣйки, знакомыхъ ни души, сильно задумался Михайло—что ему теперь дѣлать?

Земляки между тѣмъ, пріѣхавши въ Москву, остановились у рыбныхъ рядовъ и нашъ Михайло пока пріютился около ихъ. Наступила ночь, ужъ всѣ спали мертвымъ сномъ, не спалъ одинъ лишь Ломоносовъ; долго, долго, стоя на колѣняхъ, онъ такъ горячо и усердно со слезами молился Богу, ввѣряя ему свою судьбу.

Первые два дня кое-какъ прошли для Ломоносова, онъ то воза караулилъ, то помогалъ складывать рыбу, а гдѣ и счоты сводилъ, и пользовался за это отъ земляковъ хлѣбомъ; но вотъ рыбаки покончили свои дѣла и готовились обратно въ путь и теперь для нашего Михайло настало самое тяжолое время; куда онъ дѣнется? кто пріютитъ его? Пытались было земляки еще разъ посовѣтывать

ему назадъ домой воротиться, такъ куда ты и руками и ногами замахалъ, «лучше, говоритъ, съ голоду умру, а ужъ не вернусь, не для этого я, говоритъ, столько верстъ прошолъ, голодъ, холодъ и нужду выносилъ, чтобы вернуться назадъ»; да такіе люди, какъ Ломоносовъ, ужъ если разъ, что задумали, рѣшились на что, такъ ужъ не своротятъ, какъ говорится, на попятный дворъ, а добьются таки въ концѣ концовъ рано, или поздно своего.

Но вѣрно судьба сжалилась надъ страданіями рыбака. Прикащикъ обоза, съ которымъ нашъ Ломоносовъ прибылъ въ Москву, разсказалъ одному своему знакомому въ Москвѣ о Михайлѣ, и тотъ рѣшился пока пріютить его у себя. Здѣсь случайно встрѣтился Ломоносовъ съ однимъ монахомъ того самаго монастыря, гдѣ помѣщалось училище, въ которое желалъ поступить нашъ рыбакъ. Долго разговаривалъ нашъ монахъ съ Ломоносовымъ, и увидавъ въ мальчикѣ такую сильную охоту къ ученію, далъ ему слово похлопотать объ его опредѣленіи въ училище.

Что только было съ Ломоносовымъ, когда отецъ Порфирій, такъ звали монаха, пришедши чрезъ нѣсколько дней, объявилъ ему, что начальникъ училища согласенъ принять его, онъ то плакалъ, то на колѣна становился предъ Порфиріемъ и ужъ не зналъ, какъ ему и благодарить своего благодѣтеля.

Но когда начальникъ училища узналъ, что онъ изъ крестьянскаго званія и что еще безъ спросу ушолъ отъ отца, такъ было вовсе не хотѣлъ и принимать его, но ужъ какъ-то наконецъ сжалился надъ слезами его и рѣшился принять.

Какъ подумаешь какою дорогою цѣною обошлось ему это, сколько онъ, бѣдненькій, дней голодныхъ, сколько ночей безсонныхъ, дрожа отъ стужи, провелъ подъ открытымъ небомъ, пока наконецъ добился таки того, чего такъ сильно желалъ.

Съ жаромъ принялся онъ теперь за ученье, товарищи его бывало гулять уйдутъ, затѣятъ игры какія, а онъ сидитъ себѣ за книгами, какъ вкопанный, съ мѣста не тронется. А сколько тутъ-то, въ училищѣ, нужды натерпѣлся сердечный, одинъ только Богъ знаетъ, одежонка то была на немъ рваная; халатъ, что принесъ изъ дому зимою еще кое-какъ держался на плечахъ, а ужъ къ лѣту-то отъ него одни только лохмотья остались, а сапоги такъ и совсѣмъ было нельзя носить, такъ все лѣто и ходилъ босикомъ; кромѣ того и содержаніе ему отпускалось скудное, всего только въ день одинъ алтынъ (по нашему три копѣйки) что хочешь, то на него и покупай, да изъ этого алтына нужно было еще на обувь отложить, да на книги; закуситъ себѣ бывало бѣдняга хлѣбца, прихлебнетъ кваскомъ, тѣмъ и дѣло кончится.

Пять лѣтъ въ такой нуждѣ и бѣдности провелъ нашъ Михайло, а всетаки не переставалъ также прилежно и усердно учиться, какъ и прежде.

Часто земляки его пріѣзжали въ Москву и всякій разъ заходили навѣстить его; все хотѣлось имъ уговорить его вернуться назадъ къ отцу.

«Эхъ, Михайло, говорили ему земляки, воротисько ты лучше домой, какъ бы зажилъ ты, посмотри-ка, хорошенько на себя, на что ты похожъ сталъ, исхудалъ какъ и оборванъ, просто смотрѣть даже на тебя страшно, такимъ ли ты былъ у отца? а старикъ то бѣдный, какъ скучаетъ о тебѣ, ночи не спитъ, кажется, онъ жизни бы своей не пожалѣлъ, лишь бы вернулся ты только къ нему.»

«А вы думаете, что мнѣ-то легко, что я бросилъ его, развѣ бы я не желалъ его видѣть; не одинъ, можетъ быть, разъ я ужъ плакалъ объ немъ, да что сдѣлаешь съ этимъ; вотъ кабы онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ, обрадовалъ бы онъ меня, а я его когда нибудь послѣ утѣшу, въ другое ужъ время, лишь бы только онъ пожилъ подольше на свѣтѣ».

Скоро нашъ рыбакъ, не только узналъ, что проходили тогда въ училищѣ, но перечиталъ всѣ книги, какія только при томъ училищѣ, въ библіотекѣ были, такъ что ужъ ему болѣе тутъ ничего не оставалось дѣлать, тогда онъ выпросилъ позволеніе

отправиться въ Кіевъ, гдѣ было другое училище, но учителя были тамъ въ то время плохіе, такъ что Ломоносовъ ужъ и жалѣлъ, что туда и поѣхалъ.

По возвращеніи изъ Кіева, Ломоносовъ былъ отправленъ въ Петербургъ, откуда его, какъ лучшаго ученика, вмѣстѣ съ другими чрезъ нѣсколько времени послали за границу, для изученія горнаго дѣла и практическихъ занятій на заводахъ и рудникахъ. И вотъ нашъ Михайло за границей, въ Нѣмецкой землѣ; ему и во снѣ-то никогда не снилось очутиться въ ней; но здѣсь не разъ взгрустнулось ему по родинѣ, такъ горячо и сильно любилъ онъ ее, что и сказать нельзя, но когда ему приходило въ голову, что для ея же пользы онъ и за границу-то поѣхалъ, чтобы оттуда настоящимъ человѣкомъ вернуться, чтобы въ послѣдствіи облегчить положеніе такихъ же несчастныхъ бѣдняковъ, какъ и онъ самъ, чтобы имъ лучше жилось, чтобы не испытывали они такую нужду и горе, какія пришлось ему перенесть, то тогда-какъ-то легче становилось на душѣ рыбака.

Съ любопытствомъ разсматривалъ онъ здѣсь все, что ни встрѣчалось ему на дорогѣ; ѣздилъ изъ одного города въ другой; ни одна минута у него не пропадала даромъ, то проводилъ время въ разговорахъ съ учеными людьми, то осматривалъ фабрики

или заводы, внимательно изучая разныя производства, то бродилъ по горамъ, узнавая какіе гдѣ находятся металлы, однѣхъ книгъ сколько перечиталъ, бывши за границей, что другому и въ двадцать лѣтъ не придется перечитать столько.

Такъ удивлялъ всѣхъ нашъ Ломоносовъ своими дарованіями и трудолюбіемъ, что тамошніе ученые не могли нахвалиться имъ; въ первый разъ они встрѣчали такого русскаго, что за поясъ и нѣмца заткнетъ. Не то бы еще конечно вышло изъ Ломоносова, если бы обстоятельства не заставили его вернуться на родину гораздо раньше, нежели сколько ему нужно было тамъ пробыть, а теперь по прошествіи четырехъ съ половиною лѣтъ, ему суждено было возвратиться назадъ.

Еще бывши студентомъ, женился Ломоносовъ за границей на дочери одного пивовара; того жалованья, которое ему шло изъ Петербурга пожалуй бы еще для него одного и хватило, но теперь нужны были лишніе расходы, а тутъ еще на бѣду у него родилась дочь. Положеніе его день отъ дня становилось все хуже и хуже, къ тому же и жалованье, которое ему было назначено, присылалось несвоевременно, такъ что онъ по неволѣ долженъ былъ дѣлать долги; сначала ему еще вѣрили, отпускали и въ долгъ, но не получая долго уплаты, перестали больше отпускать, и требовали, чтобы онъ расплатился съ ними за прежній товаръ, а ему не только что нечѣмъ было заплатить долга, а даже ѣсть-то было нечего. Все имущество, какое только у него было, давнымъ давно было продано, такъ что въ домѣ, гдѣ жилъ Ломоносовъ, остались однѣ только голыя стѣны, а въ карманахъ, хоть на изнанку ихъ вывороти, такъ не найдешь ничего. Что же при подобныхъ обстоятельствахъ оставалось дѣлать нашему Ломоносову? ни нынче, завтра ему угрожала тюрьма за долги и нашъ Ломоносовъ рѣшился обратиться въ бѣгство, и въ то время, когда въ домѣ ужъ всѣ спали, помолился онъ Богу, благословилъ сонную жену и дочь, отворилъ потихоньку дверь и вышелъ изъ дому. На другой день, когда пришли, чтобы посадить его въ тюрьму за долги, то ужъ не нашли его на мѣстѣ. Но на дорогѣ въ Нѣмецкой землѣ его поймали, взяли въ рекруты, посадили въ крѣпость и хотѣли было ужъ сдѣлать прусскимъ солдатомъ, но какъ то, не смотря на погоню, удалось ему все-таки дать оттуда тягу.

Такимъ образомъ дошолъ онъ благополучно до Голландіи; въ то время въ Голландіи жилъ одинъ русскій Графъ Головкинъ, Ломоносовъ разсказалъ ему о своихъ приключеніяхъ и несчастіяхъ, тотъ далъ ему на дорогу денегъ, съ этими-то деньгами и прибылъ на кораблѣ въ Россію нашъ Ломоносовъ.

По возвращеніи въ Петербургъ его сдѣлали начальникомъ надъ тѣмъ училищемъ, гдѣ онъ когда-то учился самъ; первымъ его желаніемъ было поскорѣе повидаться съ отцомъ и порадовать его; онъ послалъ ему на дорогу съ рыбаками денегъ, и упрашивалъ его, какъ можно скорѣй къ нему пріѣхать. Но что было съ Ломоносовымъ, когда онъ узналъ, что отецъ его, отправившись разъ въ море за рыбой, потонулъ и былъ выброшенъ волнами на какой-то островъ и ужъ давно схороненъ. Долго грустилъ и тосковалъ Ломоносовъ о потерѣ отца, не пришлось ему бѣдному порадовать дряхлаго старика.

Но теперь и при занятіяхъ, Ломоносовъ не могъ быть покойнымъ и назвать себя счастливымъ, когда онъ безъ копѣйки денегъ, безъ куска хлѣба оставилъ за границей свое семейство; день и ночь, въ продолженіи двухъ лѣтъ, трудился Ломоносовъ, отказывая себѣ во всемъ даже необходимомъ и чрезъ два только года имѣлъ возможность пріобрѣсть столько денегъ, чтобы выписать изъ за границы свою семью.

Не смотря на то, что теперь нашъ Ломоносовъ сдѣлался ужъ такимъ важнымъ человѣкомъ, онъ все-таки не забывалъ своихъ родныхъ, взялъ къ себѣ племянника, заботился объ немъ, какъ отецъ родной о своемъ сынѣ, воспиталъ его и въ люди

вывелъ, не оставлялъ онъ и земляковъ своихъ, а всякаго, кто бы ни зашолъ къ нему, ужъ непремѣнно угоститъ, безъ этого не отпуститъ, а если нужда какая случится, то и денегъ дастъ. Такая ужъ была добрая душа у этого человѣка.

До самой своей смерти не переставалъ Ломоносовъ трудиться для блага своей родины. Испытавши столько нужды и горя здѣсь и живя за границей, совѣтывалъ онъ выписывать оттуда ученыхъ людей, устроить побольше такихъ училищъ, куда бы принимали всякого, кто-бъ ни пожелалъ учиться. Будучи самъ начальникомъ училища, онъ все-таки училъ дѣтей разнымъ наукамъ и чего только ни зналъ онъ, сколько книгъ всякихъ написалъ объ разныхъ предметахъ, и такимъ пользовался уваженіемъ и почотомъ, что знаменитые тогда бояре часто пріѣзжали къ нему и приглашали его къ себѣ на обѣды, даже сама Императрица Екатерина Великая не одинъ разъ удостоивала Ломоносова своимъ посѣщеніемъ, разговаривала съ нимъ и его семействомъ, и часто пріѣзжала взглянуть на его работы.

Но не долго жилъ Ломоносовъ, онъ умеръ на 54-мъ году отъ рожденія, умеръ спокойно; умирая, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей: «Я чувствую, что мнѣ не долго уже болѣе остается жить, но не жалѣю я объ этомъ нисколько, меня огорчаетъ

только то, что я не успѣлъ еще докончить и устроить то, что началъ для пользы своей родины.

Въ тотъ день, который было назначенъ для погребенія Ломоносова, еще съ утра начали собираться къ нему въ домъ, всѣ, которые знали и не знали его. Императрица приказала отпустить значительную сумму денегъ для его погребенія. Множество знатныхъ присутствовало при его погребеніи, длинный поѣздъ, сопровождаемый толпою народа, тянулся за гробомъ покойнаго. И когда настало время опускать гробъ въ могилу, то многіе не могли удержаться отъ слезъ, рыдали навзрыдъ, сама Императрица долго грустила и не могла забыть покойнаго. Чрезъ нѣсколько времени на могилѣ Ломоносова былъ поставленъ памятникъ изъ чистаго бѣлаго мрамора, а другой памятникъ былъ воздвигнуть ему земляками его въ Архангельскѣ.

Механикъ самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ.

(Составлено по Ремезову).

Иванъ Петровичъ Кулибинъ сынъ нижегородскаго мѣщанина родился въ Нижнемъ—Новгородѣ въ 1735 году. Отецъ его былъ мучной торговецъ, какъ человѣкъ неграмотный, нисколько не заботился о воспитаніи своего сына и какъ только онъ у приходскаго дьячка выучился кое-какъ читать и писать, посадилъ его въ лавку, чтобы привыкалъ понемногу къ торговлѣ. Не по душѣ это занятіе было молодому Кулибину, какъ только бывало отецъ уйдетъ изъ лавки, забьется Кулибинъ куда нибудь въ уголокъ, гдѣ-бы его никто не запримѣтилъ, сидитъ себѣ, да вырѣзываетъ какія нибудь игрушечки, либо домики, либо мельницы, или еще что нибудь другое, больно доставалось за это ему отъ отца, но надоѣла наконецъ эта возня старику, махнулъ онъ на сына рукой и рѣшилъ, что ничего изъ него не выйдетъ путнаго. Между тѣмъ нашъ молодой механикъ съ каждымъ годомъ дѣлался все изобрѣтательнѣе,

увидалъ онъ какъ-то на одной колокольнѣ часы, больно захотѣлось ему разсмотрѣть эту штуку; хотѣлось понять-отчего это движутся: колеса, стрѣлки, забрался онъ на верхъ, но какъ въ нихъ ни вглядывался, какъ ни всматривался, а все-таки не могъ понять ихъ устройство. «Нѣтъ этого безъ науки никогда и не поймешь», рѣшилъ Кулибинъ, и сталъ онъ добиваться—какъ бы ему достать такихъ книгъ, которыя бы ему могли объяснить—чего непонималъ онъ, но гдѣ было тогда достать книгъ, когда и грамотныхъ—то у насъ на Руси было первой другой, да обчелся.

Какъ-то случайно попалась ему въ руки одна книжечка, много говорилось въ той книжечкѣ объ разныхъ машинахъ, да ужъ больно мудрено она была написана, а нашъ механикъ, какъ на мѣдный грошъ былъ обученъ, такъ ничего въ ней и не понялъ, но за то книжечка возбудила въ немъ охоту къ ученію. Увидалъ разъ нашъ Кулибинъ у одного знакомаго стѣнные деревянные часы, въ какой онъ былъ радости, когда тотъ рѣшился ему ихъ дать на нѣсколько дней. Не помня себя, прибѣжалъ онъ домой и тотчасъ же принялся за работу; день и ночь трудился онъ надъ ними, то собиралъ, то разбиралъ ихъ, все хотѣлось ему сдѣлать точно такіе же, но однимъ ножемъ ихъ не сдѣлаешь, а другихъ-то инструментовъ къ несчастію у нашего механика не

было, такъ онъ хоть и горько было ему, однакожъ долженъ былъ оставить эту работу.

Совершенно неожиданно представился случай побывать нащему механику въ Москвѣ, здѣсь судьба свела его съ однимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ, тотъ человѣкъ былъ неглупый, а потому угадалъ сразу, что за птица былъ это Кулибинъ, и дозволилъ ему приходить къ себѣ, какъ только ему ни вздумается. Не смотря на свое короткое пребываніе въ Москвѣ, нашъ Кулибинъ всетаки успѣлъ на столько понять и присмотрѣться къ работѣ, что по пріѣздѣ домой, онъ уже былъ въ состояніи сдѣлать деревянные часы, и дѣйствительно вскорѣ появились деревянные часы съ кукушкой работы Кулибина. Слухъ объ этомъ скоро разнесся по всему городу, что въ немъ проявился такой часовщикъ—самоучка, что умѣетъ дѣлать часы; всѣ дивились этому чуду, но никто не хотѣлъ вѣрить тому, чтобы неграмотный и необучавшійся этому ремеслу Кулибинъ, могъ сдѣлать такую штуку, которую и въ Питерѣ-то не многіе были въ состояніи сдѣлать и вотъ со всѣхъ сторонъ повалилъ народъ, чтобы посмотрѣть на эту диковинку. Хотя къ нему и многіе обращались съ заказами, но нашъ Кулибинъ отъ нихъ отказывался, а продавши часы, которые онъ сдѣлалъ, принялся за мѣдные. На деньги, которые онъ выручилъ отъ продажи трехъ мѣдныхъ часовъ, ко-

торые удалось ему сдѣлать, онъ купилъ себѣ теперь старые изломанные часы; долго возился онъ съ ними, чтобы понять ихъ устройство, но наконецъ добился.

Между тѣмъ положеніе Кулибина году отъ году было все хуже и хуже, не бѣда, если бы онъ былъ одинъ, какъ нибудь бы еще перебился и сладилъ съ этимъ дѣломъ, но къ несчастію онъ былъ женатъ, имѣлъ и дѣтей; теперь много было нужно денегъ, чтобы прокормить семью, а достать—то ихъ было неоткуда; тѣ, которые къ нему прежде обращались съ заказами, теперь посылали въ Москву, если что нужно было исправить, и дошолъ нашъ Кулибинъ до того, что коркѣ хлѣба былъ бы радъ, да и той не было въ домѣ; крѣпко задумался надъ своимъ положеніемъ онъ, тяжело и безъ того было на душѣ механика, а тутъ еще его прежніе товарищи по ремеслу осыпали его насмѣшками. «Эхъ. братъ, Иванъ, время тратишь ты только по пусту, лучше было, какъ бы ты бросилъ этотъ промыселъ, да занялся прежнимъ, торговалъ бы, да торговалъ, да денежки наживалъ, а отъ этого промысла не только ты сытъ не будешь, а пожалуй и съ голоду умрешь, да и дѣло то это, братъ, совсѣмъ не наше, на это у насъ нѣмцы есть, а нашему брату бородачу негдѣ до нихъ тягаться.»

И дѣйствительно нашему Кулибину пришлось бы

умереть съ голоду, если бы починка имъ часовъ у тогдашняго Нижегородскаго губернатора не заставила всѣхъ снова вспомнить о нашемъ механикѣ, давно уже забытомъ, и вотъ пошли заказы, за заказами, такъ что Кулибинъ не успѣвалъ одинъ и справиться, а взялъ къ себѣ ученика.

Но теперь нашъ механикъ успѣлъ ужъ много перечитать всякихъ книгъ, многое онъ узналъ изъ нихъ, чего прежде не зналъ, и задумалъ онъ устроить такіе часы, которыхъ еще никто и никогда не видывалъ, но для это нужно было много ему всякихъ купить инструментовъ, такъ что если бы онъ безъ отдыху нѣсколько лѣтъ работалъ и то едвали былъ бы въ состояніи пріобрѣсть ихъ, когда заработанныхъ денегъ едва ему хватало на прокормленіе семьи; да если бы и были деньги—то на покупку инструментовъ, такъ нужно было бы вовсе отказаться отъ заказовъ, а сидѣть только за одними часами, а жить—то въ это время нужно же было чѣмъ нибудь. Какъ человѣкъ бѣдный, онъ объ этомъ не смѣлъ и думать. Но сжалился видно Богъ надъ несчастнымъ Кулибинымъ и послалъ ему благодѣтеля —то былъ одинъ купецъ Костроминъ—человѣкъ богатый и очень образованный; ему—то и передалъ нашъ Кулибинъ о задуманныхъ имъ часахъ; Костроминъ выслушалъ внимательно Кулибина и понялъ, что эти часы могутъ доставить ему извѣстность и дать

возможность бѣдному механику выбраться на торную и прямую дорогу и, можетъ быть, оказать въ послѣдствіи какую нибудь услугу своей родинѣ и дѣйствительно не ошибся Костроминъ, предложившій Кулибину не только деньги на покупку всѣхъ нужныхъ инструментовъ, но и взявши на себя содержать его съ ученикомъ и семьею въ продолженіи всего времени, пока онъ не окончитъ задуманныхъ часовъ. Часы, сдѣланные Кулибинымъ, дѣйствительно доставили ему не только славу, но заставили обратить на него вниманіе самой Императрицы Екатерины II. Нечего говорить сколько труда и времени употребилъ нашъ механикъ на устройство ихъ. Механизмъ изобрѣтенныхъ имъ часовъ былъ на столько сложенъ, что онъ долженъ былъ употребить не одинъ годъ на то только, чтобы приладить къ этой работѣ купленные имъ инструменты; неимѣя образцовъ, онъ долженъ былъ ихъ изобрѣтать самъ, а потому приспособленіе инструментовъ ему стоило гораздо болѣе хлопотъ и времени, чѣмъ самое устройство часовъ; не смотря на всѣ эти безчисленныя препятствія и помѣхи, онъ все таки окончилъ ихъ.

Часы, изобрѣтенные Кулибинымъ, имѣли форму и величину гусинаго яйца и состояли изъ 1000 малѣйшихъ колесъ и другихъ частей; сколько нужно было умѣнья, сколько искутства, чтобы выдѣлать самому каждое мельчайшее колесцо, и все это отъ

руки, не такъ какъ теперь, все дѣлаетъ машина, стоитъ только собрать и часы готовы, на что нужно было бы употребить прежде чуть не цѣлые годы, теперь довольно нѣсколько недѣль.

Съ этими часами и другими своими изобрѣтеніями, не менѣе замѣчательными, пріѣхалъ Кулибинъ вмѣстѣ съ своими благодѣтелемъ Костроминымъ въ Петербургъ, здѣсь они явились къ графу Орлову, который на другой день ихъ обоихъ представилъ Императрицѣ, та долго съ ними разговаривала, поблагодарила Костромина за участіе, которое онъ принималъ въ бѣдномъ механикѣ. На другой день послѣдовалъ Высочайшій приказъ: «всѣ изобрѣтенныя Кулибинымъ вещи помѣстить въ то мѣсто, гдѣ хранятся всѣ достопримѣчательныя рѣдкости и хранить ихъ, какъ памятникъ искусства необыкновеннаго; нижегородскаго купца Кулибина причислить къ академіи наукъ въ званіи механика съ производствомъ ему жалованья по 300 р. въ годъ; отдать въ его завѣдываніе, находящуюся при академіи мастерскую а за часы выдать 1000 руб. изъ государственнаго казначейства; такая же сумма была выдана и Костромину, кромѣ того Костромину пожалована было изъ Кабинета Ея Величества богатая серебрянная кружка, нарочно для него сдѣланная, съ золотымъ портретомъ Императрицы съ надписью: Екатерина II, Императрица и Самодержца Всероссій-

ская, жалуетъ сію кружку Михаилу Андрееву, сыну Костромину, за добродѣтель его, оказанную надъ механикомъ Иваномъ Петровымъ, сыномъ Кулибинымъ, 1769 года, апрѣля 1 дня.

Когда Кулибинъ поступилъ въ управленіе мастерскою, то онъ съ такимъ жаромъ и усердіемъ принялся за работу, что въ короткое время такъ поставилъ свою мастерскую, что въ ней не только скоро и исправно чинили старые инструменты, но и дѣлали въ большемъ числѣ новые, какъ по казеннымъ, такъ и по частнымъ заказамъ.

Живя на Васильевскомъ острову, отдѣленномъ отъ Петербурга широкою (рѣкою) Невою, во время замерзанія и вскрытія которой совершенно прекращались всякія сообщенія съ другою частью города, Кулибинъ часто долженъ было сидѣть дома по невозможности переправиться на другую сторону. «Надо помочь этому горю» рѣшилъ механикъ, и задумалъ онъ устроить постоянный мостъ чрезъ быструю Неву, чтобы не было никакой задержки ни весной, когда вскрывается рѣка, ни зимой, когда замерзаетъ она. Въ то самое время, какъ Кулибинъ задумалъ о постройкѣ такого моста, прочелъ онъ объявленіе, что Англичане дадутъ богатое вознагражденіе тому, кто сдѣлаетъ образецъ такому мосту, который бы состоялъ изъ одной дуги, или свода, безъ свай, а упирался бы только своими концами на берегахъ рѣки.

«Отчего» не попытать «думаетъ Кулибинъ, можетъ быть, и смогу устроить такой мостъ чрезъ Неву.

Задуманный Кулибинымъ мостъ чрезъ Неву долженъ быть деревянный, и имѣть 140 саженъ въ длинну, 12 въ вышину и притомъ устроенъ такъ, что если бы встрѣтилась надобность исправить его въ какомъ нибудь мѣстѣ, то можно было бы это сдѣлать, не разбирая моста, самой же мостъ долженъ выдержать давленіе тяжести въ 55000 пудовъ, образецъ (модель) же моста долженъ быть сдѣлать въ десять разъ меньше настоящаго и поднимать грузъ въ 5500 пудовъ.

Кулибинъ, сдѣлавши прежде всѣ необходимыя вычисленія, приготовилъ рисунокъ и небольшой образчикъ; когда было это все готово, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ доложилъ о проэктѣ механика Императрицѣ и та велѣла выдать Кулибину 1000 руб. на устройство образчика въ большихъ размѣрахъ

Четыре года Кулибинъ сидѣлъ надъ приготовленіемъ образчика, нашлись такіе люди, которые подсмѣивались надъ его трудомъ, называя его не механикомъ, а плотникомъ, но нашъ механикъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Наконецъ (модель) образчикъ былъ готовъ и назначено было 27 декабря 1776 года его испытаніе.

Но каково же было удивленіе публики и досада

ученыхъ, когда образчикъ сдѣланный Кулибинымъ не только выдержалъ назначенную тяжесть, но даже и большую и, не смотря на то, что тяжесть, положенная на мостъ, оставалась на немъ въ продолженіи трехъ недѣль, онъ не погнулся ни на одинъ вершокъ.

Когда Императрицѣ доложили, что по проэкту Кулибина, можно построить постояный чрезъ Неву мостъ, то она съ удовольствіемъ выслушала представленіе объ изобрѣтеніи механика и велѣла выдать ему 2000 р.

Не только въ Петербургѣ, но скоро и заграницей заговорили о необыкновенномъ русскомъ механикѣ—самоучкѣ, но нашъ Кулибинъ на столько былъ безкорыстенъ, что даже и не потребовалъ обѣщанной англичанами за изобрѣтеніе награды.

Когда Императрица узнала, что корабли, отправленные по ея повѣленію въ кругосвѣтное путешествіе, были снабжены всѣми нужными инструментами работы Кулибина, то въ присутствіи всего двора, въ Царскомъ селѣ, во дворцѣ, собственоручно возложила на механика золотую медаль на андреевской лентѣ; подобныя медали составляли тогда такую рѣдкость, что во всей Россіи нашъ механикъ—самоучка былъ третій, получившій такую медаль; кто имѣлъ эту медаль, имѣлъ право пріѣзжать ко двору

вмѣстѣ съ другими высшими сановниками государства.

Не проходило году, чтобы нашъ механикъ, не выдумалъ бы какую нибудь штуку. Разъ въ одну изъ темныхъ ночей, появился надъ квартирою механика большой огненной шаръ, который такъ ярко свѣтилъ, что на далекомъ пространствѣ можно было читать книгу. Огромная масса народа отправилась на Неву, чтобы посмотрѣть на небесное явленіе, но каково же было удивленіе, когда узнали, что это вовсе не небесное явленіе, а фонарь, изобрѣтенный Кулибинымъ и выставленный имъ для опыта изъ окна. Теперь такой фонарь конечно не рѣдкость, но, чтобы выдумать его, нужно много ума и смѣтливости.

Послѣ этого Кулибинъ сдѣлалъ нѣсколько подобныхъ фонарей; фонари эти оказались очень удобными для освѣщенія темныхъ коридоровъ, большихъ мастерскихъ и кораблей во время плаванія.

Послѣ фонаря, Кулибинъ изобрѣлъ самоходное судно; а надобно вамъ сказать, что въ то время, еще у насъ не было ни пароходовъ, ни даже коноводныхъ машинъ, а потому такое судно считалось за чудо. Когда назначено было испытаніе машиннаго судна, изобрѣтеннаго Кулибинымъ, то собралось такое множество народу, что оба берега Невы казалось были тѣсны для помѣщеніи его. Никто

не хотѣлъ вѣрить, чтобы судно могло идти противъ вѣтра и теченія воды, безъ веселъ и парусовъ; когда же судно пошло, да такъ быстро, что челнокъ едва могъ держаться съ нимъ наравнѣ, то громкое русское ура! грянуло со всѣхъ сторонъ въ привѣтъ русскому самоучкѣ, который стоялъ на своемъ суднѣ и управлялъ машиной. За такое изобрѣтеніе Кулибинъ былъ награжденъ 5000 р.

Въ свободное время отъ занятій, Кулибинъ устроилъ особенную тележку—самокатку, часто онъ катался въ ней съ друзьями, и хотѣлъ было доложить объ ней, но когда узналъ, что заграницей тоже выдумана въ одно время съ его изобрѣтеніемъ подобная, то, не желая оспаривать славу другаго механика, отложилъ свое намѣреніе.

Императрица щедро награждала труды механика: кромѣ наградъ, ему выдавалось каждогодное пособие для производства полезныхъ работъ, а въ 1792 году опредѣлено былъ выдавать ему ежегодно пенсію въ 1200 рублей Кулибинъ не только пользовался милостію Императрицы и уваженіемъ всѣхъ образованныхъ русскихъ людей, но даже иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, считали за счастіе быть знакомыми съ такимъ великимъ механикомъ, каковъ былъ нашъ Кулибинъ.

По восшествіи на престолъ Александра I, Кулибинъ два раза представлялся Его Величеству; во

вниманіе къ ревностной и долговременной службѣ престарѣлаго механика, Александръ позволилъ ему возвратиться на родину, велѣлъ отпустить ему 6000 р. для уплаты долговъ, которые онъ сдѣлалъ для производства разныхъ опытовъ и кромѣ того, назначилъ каждогодную пенсію въ 3000 р.

По пріѣздѣ въ Нижній—Новгородъ, Кулибинъ купилъ себѣ маленькій домикъ, въ которомъ едва могло помѣщаться его семейство.

Земляки механика, наслушавшись о его различнихъ изобрѣтеніяхъ, считали его за колдуна, но Кулибинъ необращалъ на нихъ никакого вниманія, а продолжалъ по прежнему трудиться надъ своими изобрѣтеніями.

Въ 1813 году, задумалъ Кулибинъ подлѣ своего стараго домика, построить новый, деревянной двухэтажный и для того, чтобы поскорѣй онъ былъ отдѣланъ, сдѣлалъ заемъ, но случившійся пожаръ истребилъ оба его дома и новой и старой, едва бѣдный старикъ успѣлъ выбраться самъ. На другой день, по просьбѣ своего прежняго ученика часовыхъ дѣлъ мастера Пятерикова, Кулибинъ перебрался съ своей семьей къ нему въ домъ, но не желая стѣснять его, какъ только получилъ пенсію, тотчасъ же купилъ себѣ полуразвалившійся домикъ, какъ ни тѣсно было въ немъ механику съ семействомъ, но онъ былъ доволенъ и тѣмъ, что живетъ, по крайней мѣрѣ у

себя, никого не стѣсняя, и не смотря на сырость и холодъ въ домѣ, снова усердно принялся за свои любимыя занятія. Но болѣзнь и старость уложили его въ могилу; 30 іюля 1818 года весь Нижній—Новгородъ узналъ о смерти механика самоучки Кулибина; ни одинъ землякъ не могъ помянуть его дурнымъ словомъ; неоставилъ послѣ смерти этотъ великій человѣкъ ничего, кромѣ своего честнаго имени и великихъ изобрѣтеній, такъ что жена его должна была заложить послѣдніе часы, чтобы похоронить покойнаго. Въ день погребенія къ бѣдному домику механика—самоучки собрался весь городъ, чтобы, проводить его до кладбища. Всѣ знатные купцы нижегородскіе несли поочереди гробъ до самаго кладбища, а за гробомъ слѣдовали ученики гимназіи и другихъ заведеній и густая толпа народа.

Съ плачемъ опустили гробъ въ могилу того, кто всю свою жизнь и день и ночь трудился для пользы родины, кто со всѣми, безъ различія званія обращался кротко и милостиво, кто послѣднее былъ готовъ отдать неимущему. Много, много лѣтъ прошло со смертію Кулибина, и еще пройдетъ столько же, но никогда не забудетъ благодарное потомство, того, кто не жалѣя своихъ силъ и здоровья, такъ честно трудился для него.

Семенъ Прокофьевичъ Власовъ.

(*Составлено по учебной книгѣ Столпянскаго*).

Семенъ Прокофьевичъ Власовъ, сынъ помѣщичьяго крестьянина, родился въ Ярославской губерніи, Любимскомъ уѣздѣ, въ 1789 года. Отецъ его былъ старшиною у старообрядцевъ того околодка, гдѣ онъ жилъ. Обучивши сына грамотѣ, думалъ онъ опредѣлить его въ уставщики.

Власовъ отъ природы былъ мальчикъ очень смышленный и крайне любознательный; все это его интересовало, все это ему хотѣлось знать, ничего не пропуститъ мимо, ничего ни оставитъ безъ вниманія, найдетъ ли бывало въ полѣ камушекъ какой, али какую букашку, ужъ онъ ее разсматриваетъ, разсматриваетъ; бывало пошлютъ его стадо въ поле стеречь, а онъ оставитъ стадо-то, а самъ уйдетъ, куда глаза глядятъ, иной разъ вовсе одинъ безъ стада придетъ, а другой разъ пригонитъ его ночью, часто доставалось ему за это порядочная трепка отъ отца, а ему все бывало, какъ съ гуся вода.

Часто онъ видалъ, какъ звѣздочка катится, катится по небу, да и скроется вдругъ; больно захотѣлось ему хоть одну поймать такую звѣздочку, увидитъ бывало въ какую сторону упала она и бѣжитъ себѣ отыскивать ее, иной разъ верстъ десять отмахаетъ, а такъ и вернется пустой. Разъ, бѣгая за звѣздочкой, пришолъ онъ къ одному болоту, а было ужъ на дворѣ темно, и увидалъ онъ на томъ болотѣ множество огоньковъ, да яркихъ-такихъ, свѣтлыхъ, наконецъ подумалъ онъ, вотъ они звѣздочки то, за которыми я все гонялся, вотъ наберу то ихъ сколько, да тятькѣ понесу то-то чай обрадуется. Собралъ осторожно онъ эти огоньки въ шапку и понесъ домой, какъ принесъ онъ домой, да какъ показалъ отцу съ матерью, такъ тѣ и ахнули; всю деревню на ноги поставили, не знали что дѣлать съ нечистымъ, что Семенъ въ шапкѣ принесъ домой. Одинъ изъ крестьянъ предлагалъ было уже и средство какъ сбыть съ рукъ нечистаго, но къ счастью онъ самъ догадался убраться. А Семенъ то бѣдный думалъ, какъ всѣ обрадуются его находкѣ, какъ будутъ благодарить его, а вмѣсто того его шапку въ огонь забросили, да еще самаго хворостиной отстегали ни за что, ни про что, бѣдненькаго, должно быть боялись, чтобы онъ въ другой разъ чего не принесъ. Но напрасно думали унять этимъ Семена.

Хотя и больно досталось ему на орѣхи отъ отца

за нечистаго, что принесъ онъ въ шапкѣ, но онъ таки не утерпѣлъ, отправился и въ другой разъ къ болоту, опять принесъ этихъ огоньковъ, но только никому ужъ объ этомъ не сказывалъ, а спряталъ ихъ, чтобы никто не видалъ, но приходитъ утромъ, а его огоньковъ и слѣдъ простылъ, «уже не унесъ ли кто, подумалъ онъ, приходитъ вечеромъ, смотритъ его огоньки опять на прежнемъ мѣстѣ, тогда нашъ Семенъ догадался, что это за нечистый такой духъ, онъ понялъ, что такихъ нечистыхъ видимо не видимо на гнилыхъ листьяхъ, да во всякой болотной травѣ, — что это вовсе не нечистый, а такія свѣтящіяся вещества—по просту свѣтляки. И теперь онъ всякій разъ бывало, какъ ни пойдетъ, ужъ непремѣнно наберетъ себѣ этихъ свѣтляковъ и запрячетъ ихъ въ овинъ натычетъ по стѣнамъ, а какъ стемнѣется, сядетъ себѣ гдѣ нибудь въ уголокъ, да и любуется, какъ они всѣ засвѣтятся. Наскучило Семену одному сидѣть, да любоваться ими, вотъ онъ и разскажи ребятамъ про свои забавы-то, а тѣ пошли да и разкажи всѣмъ; какъ узнали объ этомъ отецъ и мать, такъ чего-то надъ ними не дѣлали, и молитвы то надъ нимъ читали всякія, и водою-то его святой кропили, а розгами все таки не забыли посѣчь, и съ тѣхъ поръ не пускали изъ дому.

Больно не взлюбили его всѣ на деревнѣ, бѣгали отъ него, какъ отъ чумы, да и ребятишкамъ-то

строго на строго запретили съ нимъ связывать-ся; грустно было отцу съ матерью; и за что это Богъ наказалъ насъ такимъ дѣтищемъ, думали они, «лучше кабы онъ его отъ насъ прибралъ, а то живи, да мучайся, глядя на него окаяннаго, нѣтъ, что ни говори, а не ладно, это не спросту въ немъ какой нибудь бѣсъ безпремѣнно сидитъ.»

Но нашъ мальчикъ не особенно горевалъ, что съ нимъ никто почти и слова-то не говоритъ, напротивъ онъ былъ радъ, что его оставили въ покоѣ, что ему никто не мѣшаетъ дѣлать разныя наблюденія. Вотъ нашему Семену и попался разъ кусочикъ застывшей смолы, которая течетъ всегда изъ сосны, какъ зажгутъ ее, хотѣлось ему посвѣтлѣй ее сдѣлать, да поглаже и принялся онъ ее тереть шерстянымъ рукавомъ, только онъ теръ, теръ, да вдругъ и почувствовалъ, что какъ будто внутри его кто-то подталкиваетъ и чѣмъ онъ дольше и сильнѣе теръ, тѣмъ толчки дѣлались все сильнѣй, а потомъ начали вдругъ ужъ отдѣляться съ маленькимъ трескомъ и маленькія искры, одинъ мальчикъ дернулъ, шутя нашего Семена и вдругъ и онъ почувствовалъ толчокъ—(это самое явленіе называютъ электричествомъ—эта сила скопляется въ облакахъ, и проявляется въ громѣ и молніи) теперь Сеня понялъ, что это за Илья Пророкъ катается по небу на колесницѣ. Нашъ Сеня такъ обрадовался этому открытію, какъ будто кладъ какой нашелъ; вымажетъ себѣ онъ бывало голову этими свѣтляками, и такой свѣтъ отъ его головы разливается, какъ будто она вся въ огнѣ горитъ, ужъ какой и страхъ онъ навелъ не только на мальчишекъ, не только одни они, но и взрослые-то его боялись не на шутку, такъ всѣ и думали, «должно быть онъ колдунъ»—а онъ тому и радъ, что его теперь всѣ бояться стали; бывало кто съ нимъ не встрѣтится, ужъ непременно перекрестится, аль въ сторону отъ него свернетъ, не знали всѣ какъ-бы отъ него избавиться, кабы его изъ деревни куда спрaвадить.

Наконецъ то отвезли нашего Сеню въ Питеръ, отдали его тамъ одному винному торговцу. Увидалъ тамъ Сеня, какъ обливаютъ бутылки смолою, замѣтилъ, что она похожа на деревенскую и началъ заниматься своими наблюденіями; увидалъ его какой-то покупатель, что онъ такъ прилежно сидитъ себѣ, да сукномъ потираетъ смолу, вступилъ съ нимъ въ разговоры, объяснилъ ему, что есть такая книга, а въ той книгѣ разсказано, все, что и отъ чего происходитъ, что мы видимъ въ природѣ, всякія явленія: громъ и молнія и дождь и снѣгъ, Побѣжалъ нашъ Сеня въ лавочку, купилъ себѣ эту книжечку и ужъ въ годъ онъ всю вытвердилъ; теперь онъ задумалъ сдѣлать разные опыты, но не пришлось, засталъ его за этими опытами хозяинъ, отнялъ у него книжеч-

ку, сжегъ ее въ печкѣ, а его больно побилъ за то, что онъ такой молодой, а уже знается съ ничистой силой, хозяинъ-то былъ суевѣръ такой закоренѣлый изъ старообрядцевъ.

«Ну не бѣда, подумалъ Сеня, что побилъ-то ты меня, заживутъ бока-то, а вотъ книжечку-то жаль, что сжегъ ты, но авось наберемъ еще деньжонокъ, купимъ другую, врядъ ли только тебѣ придется сжечь еще, шалишъ, «стараго воробья на мякинѣ не обманешь, теперь, голубчикъ мы отъ тебя ее подальше уберемъ.»

И чрезъ нѣсколько времени нашъ Семенъ накупилъ себѣ опять книгъ, но какъ онъ ихъ не пряталъ, а хозяинъ всетаки отрылъ, и не говоря ни слова, отправилъ его назадъ въ деревню къ отцу.

Привезли бѣднаго Семена въ деревню къ отцу, мать и отецъ не знали, что имъ теперь съ нимъ и дѣлать; упросилъ ихъ наконецъ нашъ Сеня, чтобы его опять въ Питеръ отпустили, пріѣхалъ онъ въ Питеръ, но къ кому изъ знакомыхъ онъ не обращался, никто его не хотѣлъ брать, наконецъ удалось ему поступить къ одному содержателю трактирнаго заведенія.

Нѣсколько лѣтъ служилъ нашъ Сеня въ трактирѣ; жалованье, которое онъ получалъ, все тратилъ на покупку разныхъ книгъ, инструментовъ, приборовъ, которые ему были необходимы для его опытовъ. Хозяинъ трактира, увидалъ эти инструменты и приборы разсказалъ объ этомъ его землякамъ, и тѣ порѣшили сбыть его съ рукъ, отдать поскорѣе въ рекруты. Выпросили они у барина позволенія, заковали его голубчика въ цѣпи и привезли въ деревню, чтобы сдать въ ихъ городѣ его въ рекруты. Какъ ихъ ни увѣрялъ, какъ ни старался имъ объяснить Семенъ, что онъ даже и не знаетъ, что это за нечистый духъ такой, но все было напрасно, никто ни хотѣлъ его и слушать. Увидалъ нашъ Семенъ, что дѣло-то плохо, что отъ рекрутства-то не избавишься, и пришло ему въ голову попытать на счастье сдѣлать одну штуку, «можетъ и подѣйствуетъ» думалъ онъ. Привезъ онъ съ собою изъ Питера кусочикъ фосфору; когда всѣ караульные спали, онъ потихоньку погасилъ огонь взялъ этотъ кусочекъ и написалъ имъ крупными такими словами, что за три версты увидишь «Не робѣй Семенъ» а самъ притаился ни гугу, какъ будто ничего незнаетъ спитъ себѣ, какъ проснулся одинъ караульный, да какъ увидалъ свѣтъ на стѣнѣ, бѣжать: объявили старшинѣ, собралась вся деревня, дали знать помѣщицѣ «что молъ Семенъ-то съ нечистою силою и взаправду знается» и порѣшили всѣ, что ужъ лучше отпустить его поскорѣе въ Питеръ, а то на себя бѣду какую накличешь съ нимъ. Но теперь онъ сталъ похитрѣй; чтобы обмануть своихъ земляковъ, которые и въ

Питерѣ не давали ему покою, все надъ нимъ подсматривали, завелъ онъ маленькую мыловаренуюфабричку, гдѣ выдѣлывали разные духи, помаду, мыло, а самъ въ это время больше все занимался разными опытами, но эта хитрость не совсѣмъ удалась, земляки-то догадались, что фабрику-то онъ завелъ такъ себѣ только для виду, чтобы глаза имъ отвести и порѣшили, чтобы его непременно ужъ сдать въ рекрута. Узналъ объ этомъ Семенъ, увидалъ, что теперь отъ нихъ не такъ легко отдѣлаться, закрылъ свою фабрику, и скрылся у однаго извѣстнаго фабриканта въ Питерѣ, которому онъ часто носилъ разныя свои издѣлія. Тотъ зналъ ужъ давно, что Власовъ парень способный, то взялъ его къ себѣ съ радостію, поручилъ ему свою мастерскую, здѣсь онъ жилъ какъ въ раю, много сдѣлалъ полезнаго онъ для фабриканта, за одно его открытіе, фабрикантъ даже награду получилъ отъ Государя; не извѣстно только почему, но фабрикантъ отказалъ ему отъ мѣста. Что теперь оставалось дѣлать Власову, каждую минуту онъ боялся попасться въ руки земляковъ; наконецъ послѣ долгой думы рѣшился онъ просить Государя, чтобы его приняли въ число воспитанниковъ академіи, гдѣ бы онъ могъ узнать химію и физику. Разъ Государь прогуливался по берегу Невы, тутъ его встрѣтилъ нашъ Власовъ и подалъ ему прошеніе. Государь сдѣлалъ приказаніе

чтобы его спросили ученые-то, что онъ знаетъ; вотъ собралось много ученыхъ и какъ стали они распрашивать нашего Власова, такъ удивились откуда онъ такъ много узналъ, дали отъ себя отвѣтъ, что такой человѣкъ какъ Власовъ принесетъ большую пользу, если будетъ принятъ въ Академію. На третій день, послѣ его вступленія ему было поручено исправлять должностью ученаго химика, или мастера, который завѣдуетъ разными производствами при заводахъ на фабрикахъ.

Здѣсь Власовъ не только узналъ все, что только было извѣстно тогда и въ другихъ краяхъ, онъ изобрѣлъ и самъ много полезныхъ вещей, придумалъ приготовлять дорогую краску изъ тѣхъ веществъ, которыя оставались при монетномъ дворѣ и считались негодными; открылъ какъ добывать и составлять селитренную кислоту, баканъ изъ сандала самымъ дешевымъ средствомъ и лазурь, которая была гораздо лучше нѣмецкой, что изъ заграницы привозили и за которую платили Богъ знаетъ какія цѣны, изобрѣлъ способъ какъ окрашивать сукна и всякія матеріи, такъ чтобы краски не линяли. Однимъ словомъ, на что Власовъ не обращалъ вниманіе, то изъ всего извлекалъ пользу, и всѣхъ открытій, какія онъ сдѣлалъ на пользу родины и не перечтешь.

Федоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ.

(По Ремезову).

Федоръ Никифоровичъ Слѣпушкинъ сынъ крестьянина Ярославской Губерніи, Романовскаго уѣзда, деревни Малое — Мочино, родился въ 1785 году. Отецъ его занимался торговлею и нажилъ порядочное состояніе, такъ что нашему Слѣпушкину безъ нужды можно было бы и вѣкъ прожить; но когда ему было только еще девять лѣтъ, у него умеръ отецъ, а опекунъ, которому былъ отданъ на руки его капиталъ, такъ устроилъ бѣднаго сироту, что оставилъ его лишь въ чемъ мать родила, все спустилъ, ни одной копѣйки ему не оставилъ. Вскорѣ послѣ смерти отца отвезли Слѣпушкина въ Москву и отдали тамъ въ сидѣльцы къ одному лавочнику, конечно будь Слѣпушкинъ человѣкъ свободный, такъ можетъ быть, живя, здѣсь въ Москвѣ и не то бы вышло изъ него, потому мальчикъ то онъ былъ ужъ больно смышленный, да живой такой, когда ему еще шесть лѣтъ было только, а если начнетъ бывало сказки разсказывать, или исторіи какія, такъ не только, что маленькой, но и большой бывало заслушается, такъ чудно онъ разсказывалъ, а

какой рисовать мастеръ былъ; наберетъ себѣ вмѣсто красокъ ягодъ всякихъ сидитъ себѣ, да лошадокъ, аль коровокъ разрисовываетъ, аль домики какіе нибудь раскрашиваетъ на бумагѣ.

Но не долго пришлось пожить нашему Слѣпушнику въ Москвѣ, только что минуло ему 15 лѣтъ, взяли его въ деревню, да и отдали въ помощники къ мельнику; а ужъ что за житье послѣ Москвы въ деревнѣ, конечно можно и съ этимъ житьемъ бытьемъ деревенскимъ свыкнуться, если жить-то въ довольствѣ, да нужды никакой не видать; а какъ человѣкъ цѣлый день работаетъ безъ отдыху, а едва съ голоду ноги волочитъ, такъ такая жизнь покажется хуже всякой смерти. Разъ было Слѣпушкинъ, какъ жилъ на мельницѣ чуть жизни не лишился. Хотѣлось ему разъ помочь ходу нижнихъ колесъ, ему и захватило шестерней то лѣвую руку и чуть чуть не втянуло самаго-то; къ счастію другіе работники успѣли во время опустить нажимъ и остановить колеса; однако все-таки Слѣпушкину руку-то изломало и слѣды зубцовъ колеса остались замѣтны на всю жизнь; къ счастью еще его скоро ему пришлось оставить деревню и отправиться опять въ Питеръ.

Пріѣхалъ нашъ Слѣпушкинъ въ Питеръ, а денегъ-то у него всего осталось только полтина, на эти деньги не раскутишься, думалъ онъ, чѣмъ бы

такимъ заняться, чтобы купить на эти деньги. Не скоро придумалъ бы другой, какой оборотъ сдѣлать, а нашъ Слѣпушкинъ купилъ полпуда грушъ, досталъ у какого-то знакомаго лотокъ съ безмѣномъ, да и пошолъ себѣ покрикивать, «по грушу, по грушу. Малый-то онъ былъ ловкій, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже онъ съумѣлъ себѣ и капиталецъ составить порядочный; снялъ онъ маленькую лавочку, но на этотъ разъ въ расчетѣ жестоко ошибся, вмѣсто барышей, какіе онъ расчитывалъ получить, только что не получилъ убытку и то слава тебѣ Господи, коль концы то съ концами свелъ какъ нибудь. «Это не ладно», подумалъ онъ, сдалъ свою лавочку и переселился въ нѣмецкую Ново-саратовскую слободу, что въ пятнадцати верстахъ была отъ Петербурга, а тамъ жили все не русскіе, а нѣмцы. Здѣсь Слѣпушкинъ снялъ старую лавочку, купилъ себѣ товару, да и принялся снова за торговлю.

Какъ онъ не зналъ нѣмецкаго языка, то ему было сначала нѣсколько трудновато вести торговлю, потому что иной разъ не понималъ даже кому что нужно, а потомъ и попривыкъ маленько; какъ человѣкъ-то онъ былъ честный, то и отбилъ у другихъ торговцевъ покупателей-то, такъ что къ концу года, онъ выручилъ около 800 руб. и выписалъ изъ деревни жену.

Но на другой годъ, измѣнило счастье Слѣпушкину, и если бы ему не помогъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, такъ бы плохо пришлось расчитываться ему бѣдному. Лѣто стояло дождливое, хлѣбъ у колонистовъ не уродился, а какъ Слѣпушкинъ часто довѣрялъ товаръ и въ долгъ, то не могъ теперь собрать его и дошолъ онъ бѣдный до того что ему и товару-то купить было не на что, крѣпко задумался нашъ Слѣпушкинъ, собрался было и лавочку свою закрыть. Но вотъ въ одно прекрасное утро, когда нашъ Слѣпушкинъ садѣлъ въ своей лавочкѣ такой угрюмый, невеселый, не зная, что ему и дѣлать явился къ нему какой-то старичокъ, вынулъ изъ кармана свой кошелекъ съ деньгами отсчиталъ 700 р. сер. отдалъ ихъ Слѣпушкину.» «Возьми, говоритъ, эти деньги, теперь тебѣ онѣ нужны, будешь когда имѣть возможность, то отдашь, и не сказавъ больше ни слова, вышелъ изъ лавки, кто это былъ такой, такъ Слѣпушкинъ и не могъ добиться. Однако думать долго было нечего, отправился нашъ Слѣпушкинъ въ городъ, накупилъ себѣ разнаго товару, а осенью, когда получилъ съ должниковъ деньги, возвратилъ данныя ему неизвѣстнымъ человѣкомъ 700 р.

Такимъ образомъ прожилъ нашъ Слѣпушкинъ около 8 лѣтъ съ нѣмцами, выучился говорить по ихнему, а въ это время на досугѣ сочинялъ разные

стихи и исторіи, да срисовывалъ съ знакомыхъ портреты, а иногда занимался перевозомъ чрезъ Неву, конечно не изъ за денегъ онъ это дѣлалъ, не изъ за барыша, а такъ нравилось ему катанье по широкой Невѣ, впрочемъ разъ чуть чуть было не поплатился и жизнію за свою храбрость, потому что ужъ очень былъ безстрашный онъ человѣкъ, что ему все бывало ни почемъ, какая бы ни была буря, аль гроза, волны такъ и хлещутъ, а ему то и любо, бросаетъ бывало его челнокъ изъ стороны въ сторону, а онъ знай сидитъ, да только веслами помахиваетъ. Такая разъ случилась съ нимъ исторія: У одного нѣмецкаго священника собралось множество гостей, дѣло было за полночь, а имъ во что бы то ни стало «хоть плыть, да быть, нужно было отправляться домой, а для этого необходимо было переѣзжать чрезъ Неву, а на ту пору такой поднялся вѣтеръ, что никто не рѣшился переправить ихъ на другую сторону, что тутъ дѣлать, а нужно, откуда ни возьмись Слѣпушкинъ, «чего, говоритъ, робѣть, хотите я васъ перевезу, такъ садитеся,» тѣ хоть и боялись, но нужно, дѣлать нечего согласились; сѣли они въ лодку и поѣхали, а вѣтеръ все становился сильнѣй и сильнѣй, такъ что лодку не разъ заливало волнами, а тутъ какъ на бѣду, откуда ни возьмись пароходъ, да такъ взволновалъ воду, что лодка

чуть, чуть не опрокинулась, а весла, едва удержались въ рукахъ; гости ужъ приготовлялись къ смерти; только одинъ Слѣпушкинъ не унывалъ, не терялъ бодрости, а повернувъ лодку, разрѣзалъ волны и лодка въ одно мгновеніе очутилась около берега, что было только съ нѣмцами и передать нельзя, не знали они какъ ужъ имъ и благодарить Слѣпушкина и денегъ было предлагали ему, такъ не взялъ онъ, «не за что, говоритъ, не мнѣ вы обязапы своими спасеніемъ, а Богу, ему и жертвуйте.»

Но въ 1812 году оставилъ намъ Слѣпушкинъ Ново Саратовскую колонію и переѣхалъ въ Рыбацкую Слободу, которая находилась на другой сторонѣ Невы. Когда настало время разстаться съ Слѣпушкинымъ, то не было ни одного, кто бы не плакалъ объ немъ, больно ужъ имъ было жаль его, они такъ привыкли къ нему, такъ полюбили его за его честность и справедливость, которую такъ рѣдко можно встрѣтить въ русскомъ торговцѣ на прощаньѣ нѣмцы поднесли ему аттестатъ за общимъ подписомъ всѣхъ нѣмцевъ и свидѣтельствомъ священника, въ этомъ аттестатѣ говорилось о безкорыстіи и честности русскаго торговца Слѣпушкина, да такой аттестатъ дороже денегъ. Много горя и нужды пришлось испытать нащему Слѣпушкину. Какъ переѣхалъ онъ въ Рыбацкую слободу,

умерла у него жена, остался онъ теперь бѣдный одинъ съ восьмью человѣками дѣтей, а вслѣдъ за ея смертью, торговыя дѣла его стали приходить въ упадокъ, правду говорятъ «какъ придетъ бѣда, отворяй ворота», дернулъ его нелегкій накупить еще хлѣба, накупилъ онъ много, цѣны на хлѣбъ упали, и долженъ былъ нашъ Слѣпушкинъ потерпѣть убытокъ, а тутъ на бѣду еще и товаръ роздалъ въ долгъ, а должники-то товаръ то взяли, а денегъ то не платили и дошолъ онъ до того, что ему ужъ никто больше не вѣрилъ теперь; прикащики у него не стали больше жить, а заимодавцы его требовали уплаты долга, ни одной минуты не давали ему покоя. Плохо пришлось нашему бѣдному Слѣпушкину, тяжелое теперь настало для него время, куда дѣвались и его прежніе друзья, всѣ оставили. Крѣпко пріунылъ и призадумался нашъ Слѣпушкинъ.

Въ 1820 году женился нашъ Слѣпушкинъ въ другой разъ на дочери одного крестьянина Рыбацкой Слободы. Послѣ женитьбы дѣла его начали понемногу поправляться, въ это время явилась у него страшная охота сочинять стихи; но такъ какъ онъ нигдѣ не учился, то большаго труда стоило ему, чтобы вышло что нибудь путное; иной разъ услышитъ пѣснь какую что ль тамъ поютъ, кажется, вѣдь нехитрая вещь и самому такую сочинить, а

какъ за дѣло-то примешься такъ и окажется, что эта вещь то далеко не такая простая, нужно чтобы толково вышло, а потомъ и складно. Много въ этомъ дѣлѣ помогала ему жена его, онъ бывало напишетъ что, аль сочинитъ, несетъ къ ней, прочтетъ, если что не ладно, такъ она замѣтитъ, конечно она не могла сама поправить, если гдѣ дурно, такъ какъ она и грамотѣ-то не училась, а второе что и между людьми-то мало была, Слѣпушкинъ ужъ самъ исправлялъ, гдѣ не хорошо-то выходило. А кромѣ того много онъ занимался и живописью и такой былъ мастеръ по этой части, что бывало кого хочетъ и за глаза нарисуетъ, если разъ его только видѣлъ. Случилось разъ такая оказія: далъ одному купцу онъ денегъ и далъ таки порядочно, а тотъ, купавшись, и вздумалъ утонуть, дѣло-то Слѣпушкина было бы совсѣмъ пропащее, долга-то бы онъ и не получилъ; да къ счастью, его, женѣ захотѣлось имѣть портретъ покойнаго, кромѣ Слѣпушкина никто за это дѣло не взялся, а онъ такъ на память нарисовалъ, а на портретѣ-то вышелъ вылитый онъ, ну жена-то покойнаго только долгъ за мужа и отдала и то хорошо хоть это то получилъ, а то-бы пиши пропало.

Въ 1826 году вышла первая книжка стиховъ Слѣпушкина подъ названіемъ «Досуги сельскаго жителя», Конечно въ то время, когда жилъ Слѣпуш

кинъ, подобная книга, не могла не сдѣлаться извѣстной, книгъ-то сочинялось и печаталось немного, не такъ, какъ теперь, а потому за свою книжку онъ получилъ золотую медаль, а въ послѣдствіи за это свое сочиненіе отъ покойнаго Государя Николая Павловича удостоился получить, шитый золотомъ кафтанъ, а отъ Императрицы золотые часы, былъ принятъ во дворцѣ, гдѣ отъ Императрицы Маріи Федоровны получилъ золотые часы. Скоро, Слѣпушкинъ сдѣлался извѣстенъ всему Петербургу, знаменитые бояре и знатные вельможи стали посѣщать крестьянина—стихотворца.

Въ 1830 году за другую, сочиненную имъ книжку, Слѣпушкинъ получилъ отъ Государя золотую медаль на александровской лентѣ; много еще написалъ онъ всякихъ книжечекъ, и каковъ былъ на словахъ, таковъ былъ и на дѣлѣ нашъ Слѣпушкинъ. Какъ самъ онъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія, такъ зналъ хорошо жизнь-то крестьянскую, видѣлъ эту нужду-то горемычную, а потому въ тѣхъ книжечкахъ описывая несчастія, которыя приключаются съ крестьяниномъ, совѣтывалъ, какъ бы можно отъ нихъ избавиться, и отчего всѣ эти несчастія происходятъ съ нимъ, совѣтывалъ напримѣръ имъ устроить такія общества, откуда бы въ случаѣ нужды какой, аль болѣзни какой, когда человѣкъ работать не можетъ, а на рукахъ его се-

мья, хлѣба проситъ, такъ денегъ могъ бы взять всякій, сколько нужно ему безъ процентовъ и безъ залога, а возвратить тогда, когда съ дѣломъ справиться, чтобы въ черный годъ, голодый годъ не тѣснилъ его богатый крестьянинъ, какъ теперь тѣснитъ, не требовалъ бы отъ него рубль за копѣйку. Вотъ стихи Слѣпушкина: гдѣ онъ описываетъ голодный годъ: крестьяне приходятъ въ разоренье.

Вотъ лошадокъ продаютъ,
То коровъ завѣтныхъ, дойныхъ,
И отъ тягости дней черныхъ,
Батраками въ міръ идутъ;
А купецъ подъ ключь амбары,
Кладъ ему голодный годъ,
И на хлѣбные товары,
Какъ полынь, цѣна растетъ,
Очерствѣлъ богачъ душою,
Къ бѣднымъ сдѣлался, какъ ледъ,
Смотритъ дикою совою,
И своихъ не узнаетъ,
А о томъ одна забота,
Чтобъ рубли брать за гроши;
Превеликая охота,
Жить на счотъ чужой души.

Таковы всѣ его стихи, вездѣ онъ высказываетъ печаль о горькой участи бѣднаго крестьянина, и о притѣсненіяхъ, какія приходится ис-

пытывать ему бѣдному отъ своего же брата кре тьянина богача; вездѣ гдѣ только можно онъ и на словахъ и на дѣлѣ является дѣйствительнымъ его защитникомъ. Хотя теперь Слѣпушкинъ уже сдѣлался и извѣстенъ всѣмъ и такою славою и почотомъ отъ всѣхъ пользовался, но все-таки онъ находился въ крѣпостномъ состояніи, значитъ свободы—то не было, располагать собою, какъ бы онъ хотѣлъ, не могъ, сильно хотѣлось откупиться на волю ему, а барыня—то его Новосильцева вообразила, что ужъ если онъ такой сталъ человѣкъ извѣстной, что получаетъ разныя золотыя медали, да кафтаны золотомъ шитые, такъ значитъ можетъ за себя 30000 заплатить, а того не разочла, что эдакую сумму онъ и во снѣ—то никогда еще не видалъ, не токма что на яву, да откуда бы взять ему, когда онъ и не понималъ этой науки, какъ это люди милліоны изъ грошей наживаютъ, сжалилась надъ нимъ одна княгиня Юсупова собрала 3000 р, и внесла за него барынѣ, а та отпустила его на волю и вотъ нашъ Слѣпушкинъ сдѣлался вольный теперь казакъ, получилъ со всѣмъ своимъ семействомъ свободу. Записался онъ купцомъ 3-я гильдіи но и по выходѣ на волю не бросалъ своихъ прежнихъ занятій, а также по прежнему жилъ онъ въ Рыбацкой слободѣ, занимаясь торговлею. Послѣ выхода своего на волю счастливо и весело зажилъ нашъ Слѣпуш-

кинъ, купилъ себѣ маленькій клочекъ землицы; построилъ на той землицѣ домикъ, и завелъ кирпичный заводъ. Домикъ его еще и теперь цѣлъ, стоитъ онъ на горкѣ, не далеко отъ Рыбацкой слободы, гдѣ рѣчка Славянка впадаетъ въ Неву.

Дѣла Слѣпушкина теперь пошли въ гору, чрезъ нѣсколько времени на заводѣ его работало около трехъ сотъ человѣкъ и выдѣлывалось около семи милліоновъ кирпичей, такое количество перечесть-то трудно, не только выдѣлать, значитъ прилежно работа—то шла. А ужъ какъ же его рабочіе то любили, да и нельзя не любить было эдакого человѣка, онъ не хозяинъ былъ для нихъ, а отецъ другой, ему они «деньги свои на сбереженіе отдавали, чтобы берегъ онъ ихъ, на себя—то не такъ надѣялись они, какъ на него, ужъ не пропьетъ небось, не прокутитъ, а какъ кончитъ бывало занятія, рабочій какой, идетъ за расчетомъ къ Слѣпушкину и получаетъ все сполна, что заработаетъ и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ни одинъ рабочій не былъ имъ обиженъ, аль расчитанъ не такъ. Онъ другъ былъ для рабочихъ, и не всякій крестьянинъ, которому посчастливится богатымъ сдѣлаться, такъ съ своимъ братомъ поступалъ, какъ онъ! чтобы только ни случилось споръ какой, али ссора между ними ужъ онъ разберетъ, выслушаетъ каждаго, скажетъ кто правъ, кто виноватъ, и смотришь дѣло такъ ула-

дитъ, что они и кончатъ миромъ и разойдутся себѣ и все по старому; аль случится заболѣть кому, такъ онъ, голубчикъ, отъ постели не отходитъ; какъ мать за дѣтьми, такъ за больнымъ—то ухаживаетъ, такой человѣкъ ужъ былъ, что не могъ видѣть, какъ страдалъ другой.

Хотя онъ самъ-то нигдѣ не учился, но все-таки хорошо понималъ, что тяжело жить темному безграмотному человѣку, то многихъ изъ рабочихъ онъ грамотѣ обучилъ. Такимъ Слѣпушкинъ честнымъ остался и до конца своей жизни; всякому бѣдному, аль тамъ нуждающемуся готовъ былъ послѣднюю рубашку отдать. Много онъ денегъ въ долгъ давалъ, многіе не отдавали ему, но онъ ужъ такой человѣкъ былъ, никогда ни скажетъ, никогда не помнитъ о долгѣ, а если бывало, когда и встрѣтитъ должника-то своего, такъ еще раньше отъ него въ сторону свернетъ; онъ самъ бралъ когда то у людей, потому и понималъ значитъ, какъ тяжело съ заимодавцемъ-то встрѣчаться, когда долженъ ему. Не смотря однакожъ на всѣ благодѣянія и доброту Слѣпушкина нашлись люди, что не любили его; одинъ крестьянинъ все искалъ случая сдѣлать для него какую нибудь непріятность, а про что самъ не зналъ но «рылъ яму-то другому, а попалъ то въ нее самъ», попался по какому-то онъ дѣлу, его потребовали въ судъ, много было людей, что дѣло

разбирали, былъ и Слѣпушкинъ, но не попомнилъ онъ зла, а оправдалъ по этому дѣлу мужика, такъ какъ онъ былъ совершенно невиновенъ въ этомъ и по приговору Слѣпушкина, крестьянинъ былъ освобожденъ. Это такъ растрогало его, что онъ въ присудствіи всѣхъ бросился передъ нимъ на колѣна и просилъ прощенія, и послѣ былъ его первымъ другомъ.

Въ 1848 году случилась холера и въ этотъ годъ погибъ на 62 году нашъ Слѣпушкинъ этотъ другъ и отецъ несчастныхъ. Собраны были деньги схоронили Слѣпушкина, а на могилѣ воздвигля ему памятникъ изъ бѣлаго чистаго мрамора.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, сынъ воронежскаго мѣщанина, родился въ 1809 г. въ Воронежѣ. Отецъ его хоть и не былъ богатъ, но и не терпѣлъ нужды, занимался онъ торговлею барановъ. Родители Кольцова не обращали никакого вниманія на мальчика, росъ онъ себѣ безъ всякаго присмотра и дозора; засучитъ бывало свои штанишики и ходитъ себѣ по травѣ, аль по лужамъ и болотамъ, разъ было совсѣмъ безъ ногъ остался, простудился сильно и долго лежалъ боленъ въ постели, вылечить-то хоть его и вылечили, а боль-то въ ногахъ всетаки осталась. И сколько приключеній съ нимъ было въ жизни, больно ужъ удалъ былъ малый-то, разъ какъ-то на всемъ скаку чрезъ голову лошади полетѣлъ, да такъ хватился, что на всю жизнь горбатымъ остался, но не смотря на это все таки здоровъ былъ и крѣпокъ.

На десятомъ году стали учить Кольцова грамотѣ; грамота далась ему скоро, мѣсяца чрезъ четыре ужъ онъ выучился читать и писать, отецъ расчиталъ,

что этого съ него черезчуръ довольно и взялъ его изъ училища, вотъ нашъ мальчикъ ужъ помогалъ теперь отцу въ торговлѣ; зимою посылалъ его отецъ на базаръ съ прикащиками для покупки и продажи барановъ, а лѣтомъ бралъ его съ собою въ степь стада караулить, здѣсь забывалъ онъ все, носится бывало цѣлый день на конѣ, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое, такъ понравилось ему это занятіе прасола, а еще больше всего степь; онъ полюбилъ ее всею душею, да и нельзя и не полюбить, кто хоть разъ ее видѣлъ.

Представьте себѣ такое огромное пространство земли, что и глазомъ не окинешь, и все покрыто оно такою чудною густою высокою травою, а по травѣ той разсыпаны что и числа нѣтъ сколько все цвѣты; да не такъ, чтобы по одиночкѣ, а все коврами разноцвѣтными; то синими, то красными, то серебристыми; а какъ подымется это вѣтерокъ, да какъ все это въ движеніе придетъ, заволнуется, такъ, Боже мой, что это за картина такая, ни съ чѣмъ ее и сравнить нельзя. Аль какъ настанетъ вечеръ, да разложатъ костры, раскинутъ палатки, далеко, далеко засвѣтятся огоньки, ты ляжешь себѣ на зеленую траву, вверху надъ тобою свѣтлое такое, чистое, синее небо, около тебя пѣсни раздаются, такъ хорошо, такъ хорошо что и не всталъ бы никогда.

Да кто видѣлъ хоть одинъ разъ степь, тотъ съ ней во вѣкъ не разстанется; конечно иной разъ и плохо приходится: какъ зарядитъ на цѣлыя недѣли эдакъ дождь, какъ изъ ведра, да холодъ завернетъ, а тутъ на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ и жилья то человѣческаго нѣтъ; иной разъ приходится лежать на голой землѣ, да подъ смоченымъ овчиннымъ войлокомъ, такъ не вкусно покажется, но за то въ ясные дни, весною али лѣтомъ, такъ и въ рай не захочешь, такъ хорошо! этой-то самой степи и обязанъ былъ нашъ Кольцовъ тѣмъ, что онъ и стихотворцемъ-то сдѣлался.

Но и здѣсь въ городѣ, нашему Кольцову также весело было, какъ и въ степи, а потому онъ и не съ особенною грустью и покидалъ ее, здѣсь въ городѣ его ожидало также не меньше удовольствій. Когда Кольцовъ еще былъ въ училищѣ, познакомился онъ съ однимъ мальчикомъ; ужъ такими друзьями они были, что ни разставались ни на минуту, все вмѣстѣ; возьмутъ это книги, пойдутъ себѣ въ садъ, да тамъ сядутъ и читаютъ. Такъ провели они три года, но вдругъ пріятель Кольцова захворалъ и умеръ. Долго грустилъ о потери своего друга Кольцовъ и не могъ утѣшиться, потому что чтеніе книгъ и дружба съ нимъ были единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни Кольцова. Послѣ смерти его пріятеля досталось Кольцову много книгъ, которыя онъ съ

жадностью принялся теперь перечитывать, кромѣ того накупилъ еще много книгъ, все ему хотѣлось самому выучиться писать такіе стихи, какіе пишутъ другіе, много разъ пытался, но все выходило какъ то не складно; посовѣтываться было ему не съ кѣмъ, прочесть-то не кому, думалъ думалъ онъ и наконецъ рѣшился обратиться къ одному книгопродавцу въ Воронежѣ. Онъ предполагалъ, что если человѣкъ торгуетъ книгами, такъ значитъ и знаетъ толкъ въ этомъ дѣлѣ; вотъ онъ и принесъ свои стихи ему; малый-то онъ былъ хоть и необразованный, но не глупый, онъ прочелъ стихи, что сочинилъ Кольцовъ и сказалъ ему напрямикъ, что стихи его ему кажутся дурными, хоть онъ и не можетъ сказать чѣмъ именно, а что если онъ хочетъ научиться какъ писать стихи, то пусть беретъ книги и читаетъ сколько хочетъ, и предложилъ ему брать безплатно для прочтенія книги изъ его магазина. Какъ голодный, онъ принялся за чтеніе, читалъ все, что ни попадало ему подъ руку, безъ разбору и такъ не замѣтно прошло для него пять лѣтъ. Въ это время онъ познакомился съ однимъ семинаристомъ и скоро они сдѣлались между собою друзьями, семинаристъ этотъ былъ малой довольно неглупый, знакомство и дружба съ нимъ принесла Кольцову большую пользу, онъ теперь уже сочинялъ такіе стихи, что и годились въ печать. Но къ несчастію

Кольцовъ долженъ былъ разстаться съ своимъ другомъ, потому что тотъ отправился въ Москву для поступленія, въ заведеніе откуда выходятъ лекарями.

Узналъ о Кольцовѣ одинъ молодой человѣкъ, онъ былъ сынъ воронежскаго помѣщика, пріѣхалъ разъ онъ въ Воронежъ, встрѣтилъ здѣсь Колоцова, познакомился съ нимъ, прочелъ его стихи, нашелъ что они не дурны, и предложилъ ему на свой счетъ напечатать ихъ.

Въ 1836 году нужно было Кольцову по дѣламъ своего отца быть въ Москвѣ и Питерѣ, здѣсь онъ познакомился съ многими извѣстными сочинителями, и каждый подарилъ ему по книжкѣ своего сочиненія, такимъ образомъ библіотека Кольцова начала понемножку увеличиваться. Ему конечно пріятно было видѣть себя въ кругу такихъ умныхъ людей, много наслушался онъ отъ нихъ полезнаго, многое узналъ теперь. Со слезами на глазахъ разсказывалъ онъ по пріѣздѣ въ Воронежъ о своихъ новыхъ знакомыхъ, которые такъ радушно его встрѣтили.

Въ 1838 году. Кольцову пришлось по дѣламъ опять быть въ Москвѣ, гдѣ онъ пробылъ довольно долго, особенно понравилась ему въ этотъ разъ жизнь въ Москвѣ, больно не хотѣлось ему теперь возвращаться назадъ въ Воронежъ. По пріѣздѣ въ Воронежъ, вотъ что онъ писалъ къ своему другу въ Москву!

«Скучна и грустна показалась мнѣ жизнь въ Воронежѣ, торговыя дѣла без меня разстроились, непріятностей куча, но я все переношу терпѣливо. Два мѣсяца, которые я провелъ въ Москвѣ съ вами, принесли мнѣ больше пользы, нежели пять лѣтъ жизни въ Воронежѣ, я теперь гляжу на себя и не узнаю, какимъ я сдѣлался. Въ Воронежѣ, кто ни встрѣтится со мной, смотритъ на меня, какъ на какую-то заморскую чучелу. Старикъ отецъ со мною хорошъ, любитъ меня болѣе вѣроятно за то, что дѣло хорошо кончилось. Съ моими прежними знакомыми расхожусь помаленьку, надоѣли они мнѣ, хотѣлъ было ихъ поучить, объяснить имъ, какъ нужно понимать вещи, они смѣяться надо мною вздумали, стали говорить, что я вздоръ несу, я и рѣшилъ не имѣть съ ними никакого дѣла, что за радость наживать себѣ дураковъ-враговъ, ужъ видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ». Хотя и грустно и тяжело было жить Кольцову теперь въ Воронежѣ, но онъ не хотѣлъ огорчать отца, потому что безъ него разстроились бы всѣ дѣла его: на немъ лежала вся торговля, на него были переведены всѣ деньги, отъ него зависѣла участь цѣлаго дома, всей семьи, а тутъ еще долженъ былъ онъ присматривать за постройкой новаго дома, всѣ эти дѣла онъ велъ аккуратно, и съ такимъ терпѣньемъ, что удивляться нужно, но

онъ надѣялся, что какъ только окончитъ стройку дома, сдастъ всѣ дѣла отцу, то самъ станетъ торговать книгами, но жестоко ошибся.

Вотъ что онъ писалъ своему другу въ Москву:

«Батинька два мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; дома я одинъ, дѣлъ много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; рублю въ рощѣ дрова; осенью пахалъ землю; хлопочу по дѣламъ съ зари до полночи.

Черезъ два года писалъ ужъ не то къ нему:

«Плохо, плохо живется мнѣ здѣсь въ Воронежѣ, одурѣлъ я здѣсь совсѣмъ и самъ не знаю отчего только; толь отъ торговыхъ дѣлъ, толь отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ къ Москвѣ. мнѣ такъ пріятно было въ ней, а тутъ все надобно забыть вдругъ, дѣлать другое — думать о другомъ, но что же прикажите съ этимъ дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда—«ажъ по душѣ тошнитъ, такъ хорошо мнѣ жить! Другъ мой умеръ, лишился я вдругъ человѣка, котораго я столько лѣтъ любилъ всею душею. Грустно думать, что былъ нѣкогда даже, милый мальчикъ — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, не было еще мучитильнѣй въ жизни моей, какъ настоящее время, съ кѣмъ вмѣстѣ росли, вмѣстѣ учились, читали, думали, спорили и нѣтъ того.

Я чувствую, что въ Воронежѣ мнѣ долго не сдобровать, давно я живу въ немъ и гляжу, какъ звѣрь вонъ, горько жить мнѣ я чувствую, что я погибну, если только останусь въ немъ на долго.

Осенью 1840 г., снова представился случай ѣхать Кольцову въ Москву и Петербургъ, Боже мой! какъ онъ былъ радъ хоть на время вырваться изъ Воронежа, но вотъ онъ кончилъ свои дѣла и теперь ему нужно было возвращаться снова на родину. Долго думалъ онъ, не остаться ли ему въ Питерѣ, но остаться безъ копѣйки денегъ, безъ всякихъ средствъ и начать опять занятія съ сидѣльца въ лавкѣ ему не хотѣлось. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю:

«Если бъ вы знали, какъ не хочется ѣхать домой, а ѣхать надобно. Писалъ я къ отцу, чтобъ онъ выслалъ мнѣ на житье денегъ, онъ отвѣчалъ: а денегъ нѣтъ тебѣ ни копѣйки, мнѣ жить осталось не долго, потому все равно какъ бы ни шли мои дѣла. Я слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ— съ Богомъ, благословеніе дамъ, а больше ничего отъ меня не жди.

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашолъ всѣ дѣла въ упадкѣ, отецъ его встрѣтилъ неласково и едва согласился дать ему на содержаніе, не имѣя копѣйки въ карманѣ, долженъ былъ онъ теперь трудиться, онъ, по милости котораго и семейства-то

все существовало и капиталъ-то нажитъ. Грустна показалась послѣ этого жизнь Кольцову и онъ рѣшился, устроивъ дѣла, отправиться въ Питеръ, куда отецъ его отпускалъ охотно, конечно безъ копѣйки денегъ. Но въ это время Кольцовъ заболѣлъ и чуть было на страстной недѣлѣ не умеръ. Во время сильныхъ припадковъ, онъ говорилъ доктору, который его лечилъ «если болѣзнь моя неизлечима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣе умру, тѣмъ лучше и вамъ же меньше хлопотъ. Что вытерпѣлъ Кольцовъ во время болѣзни отъ своихъ родныхъ, такъ и передать нельзя, только одна мать утѣшала его больнаго.

По совѣту доктора, уѣхалъ онъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, но это ему мало помогло. онъ воротился домой. Для поправленія здоровья ему нужно было бы спокойствіе, а его каждую минуту мучили, оскорбляли, иногда ему не на что было лекарство купить, мать часто потихоньку отъ отца приносила для него обѣдъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ съ нимъ вмѣстѣ, гдѣ ему ни давали ни одной минуты покою. Онъ перешелъ на верхъ, который цѣлую зиму не топился — ему не давали дровъ, такъ что онъ долженъ былъ ночью ихъ воровать. Когда отецъ узналъ объ этомъ, то хотѣлъ его прогнть. Дѣлать было нечего и

онъ перешелъ внизъ. Жизнь его была, какъ говорятъ на волоскѣ. Но какъ только онъ началъ поправляться, то все думалъ объ одномъ, какъ бы ему уѣхать отсюда въ Питеръ, но онъ боялся умереть здѣсь съ голоду;человѣкъ онъ былъ малограмотный, малообразованный, что же бы онъ сталъ здѣсь дѣлать въ Питерѣ. Начать учиться, какъ Ломоносовъ, для него ужъ прошла пора, къ тому же и здоровье его было не совсѣмъ хорошо.

Но не на долго получилъ онъ облегченіе отъ болѣзни, чрезъ нѣсколько времени ему сдѣлалось хуже и 1842 года, осенью кончилъ жизнь человѣкъ, который, прожилъ столько лѣтъ въ заботѣ и трудахъ, который, 34 года проживя на свѣтѣ, не видалъ ничего хорошаго, не испыталъ никакой радости. Печальная судьба выпала на долю этого замѣчательнаго человѣка, а чтобы вышло изъ него, если бы онъ получилъ только образованіе, да жилъ въ Москвѣ, или Питерѣ, но этотъ человѣкъ болѣе дорожилъ счастіемъ и спокойствіемъ родныхъ, чѣмъ своимъ собственнымъ, изъ-за нихъ то онъ себя и въ жертву то принесъ. Чрезъ нѣсколько времени на могилѣ его въ Воронежѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Вотъ нѣсколько стиховъ, сочиненныхъ Кольцовымъ:

Я куплю себѣ
Косу новую;

Отобью ее,
Наточу ее,
И прости прощай
Село родное!
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю — черному
Понадвинулась?
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришолъ,
Я пришолъ самъ другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять

По травѣ степной,
Вдоль и поперегъ
Съ ней хотѣлося....
Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкашонная;
Поклонись цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете.

ЛѢСЪ.

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?
Что бова-силачъ
Заколдованный,

Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь поникъ,
И не ратуешь,
Съ мимолетною
Тучей - бурею?
Густо-лиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ;
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь поникъ
И не ратуешь.
Гдѣ-жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?
У тебя-ль, было
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя-ль было,
Дни — роскошество,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются...
У тебя-ль было,
Поздно вечеромъ

Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ —
Распахнетъ она
Тучу чорную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ,
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ!
«Вороти назадъ!
Держи около»!
Закружитъ она,
Разыграется —
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается,
Встрепенувшися
Разбушуется;
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ...
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою,
И несетъ свои
Тучи за море.
Гдѣ-жъ теперь
Твоя мочь зеленая?
Почернѣлъ-ты весь
Затуманился;
Одичалъ, замолкъ
Только, въ непогодь

Воешь жалобу
　　На безвременье.
Такъ то темный лѣсъ,
　　Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
　　Маялъ битвами.
Не осилили тебя
　　Сильные,
Такъ дорѣзала
　　Осень черная.
Знать во время сна,
　　Къ безоружному
Силы вражіи
　　Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
　　Сняли голову,
Не большой горой
　　А соломенкой.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
　　Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести—печали
　　Русыя сѣкутся,
Ахъ! сѣкутся кудри!
　　Любитъ ихъ забота,

Полюбитъ забота —
　　Не чешетъ и гребень!
Не родись въ сорочкѣ,
　　Не родись талантливъ;
Родись терпѣливымъ
　　И на все готовымъ.
Вѣкъ прожить
　　Не поле пройдти за сохою;
Кручину — что тучу —
　　Не уноситъ вѣтромъ.
Зла бѣда — не буря —
　　Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
　　Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
　　Не уйдти на лыжахъ;
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
　　Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;
Чуешь только сердцемъ:
　　Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
　　Пойдетъ и поѣдетъ...
И щемитъ и ноетъ,
　　Болитъ ретивое:
Все — изъ рукъ вонъ плохо,
　　Нѣтъ ни въ чемъ удачи.
То—скосило градомъ,
　　То—сняло пожаромъ;

Чистъ кругомъ и легокъ
Никому не нуженъ...
Къ старостамъ на сходку
Выйдти приневолятъ —
Старые лаптишки
Безъ онучъ обуешь,
Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь
Шапку нахлобучишь,
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи
Пусть не видятъ люди
Прожитаго счастья.

ПѢСНЯ.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.
Выходи-же, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщетъ.

ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Передъ тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу
Предъ тобою закрылъ.

Твой небесный огонь,
Негасимо горитъ;
Безконечный твой міръ,
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ;

На крестѣ, подъ вѣнцомъ
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ.

Рости счастливо, братъ мой милый
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ простотою;
На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ-ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны,
И посохъ бѣдный понесешь —
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ чѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ,
Какъ съ братомъ роднымъ подѣлись,
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ какъ дымъ.

Ермакъ Тимофеевичъ покоритель Сибири.

Сибирь, объ которой можетъ быть вы не разъ слыхали, начинается за Уральскими горами. Еще за нѣсколько лѣтъ до Ермака, многіе изъ русскихъ купцовъ ѣздили туда для промѣна своихъ товаровъ на сибирскіе мѣха — собольи, куньи, лисьи, которые послѣ и продавали въ Россіи; торговля эта была бы очень выгодна, если бы только не труденъ былъ бы путь въ Сибирь, а то шутка сказать, нужно проѣхать около трехъ тысячъ верстъ, да все больше водою.

Царемъ въ Сибири въ то время, когда жилъ Ермакъ былъ Кучумъ. Царство этаго Кучума было тамъ, гдѣ въ настоящее время Тобольская губернія. Коренные жители Сибири въ то время были Вогуличи и Остяки—народы эти были совершенно дикари, покланялись идоламъ и приносили имъ жертвы. Въ пищу употребляли мясо, рыбу, коренья, пили кровь изъ животныхъ, ѣздили на собакахъ и оленяхъ, кромѣ ихъ еще были и другіе пришлые Татары, Нагаи, Кайсаки, исповѣдывающіе магометанскую вѣру

Одни изъ жителей Сибири жили осѣдло, а другіе кочевали съ мѣста на мѣсто, занимаясь ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ Сибирскихъ лѣсахъ, да пасли стада, сѣяли хлѣбъ, подати платили звѣриными шкурами.

И что эта за сторона такая чудная и привольная, Сибирь, чего чего только въ ней нѣтъ и теперь, а нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ того болѣе, какихъ, какихъ только нѣтъ звѣрей въ лѣсахъ, а рыбы сколько всякой въ рѣкахъ, такъ и не переловить кажется никогда, а золота, серебра, всякихъ камней драгоцѣнныхъ, однимъ словомъ сказать въ Сибири было приволье тогда человѣку, одно только не хорошо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холодновато нѣсколько. Городовъ въ Сибири такихъ, какъ теперь, тогда еще не было и въ поминѣ, правда были города, но даже самый столичный городъ тогда Сибири былъ хуже нашего послѣдняго уѣзднаго городка, а другіе то больше на село, аль на кочевья какія походили.

Не одинъ разъ татары переходили Уральскіе горы и своими набѣгами тревожили нашихъ поселенцевъ, грабили ихъ, отнимали у нихъ скотъ и всякое добро. Такъ какъ тогда мѣстъ заселенныхъ было мало, а земли было довольно, то это обстоятельство заставило нашихъ прежнихъ князей и царей раздавать землю всѣмъ, кто бы только не пожелалъ заселить ее и обработывать, но охотниковъ къ переселенію на эти земли было мало. Чтобы какъ нибудь заманить народъ, стали тѣхъ, кто переселялся туда, отъ всѣхъ податей и повинностей освобождать. Конечно эти льготы были выгодны и вотъ начали понемногу переселяться и такимъ образомъ земли разбирались. Самые богатые поселенцы въ тѣхъ краяхъ были купцы Строгановы. Потомки Строгановыхъ жили еще и при царѣ Иванѣ Грозномъ, земли у нихъ было всякой много и стали они заниматься всякими промыслами: варили соль, пахали земли, рубили лѣсъ. Для защиты отъ нападенія непріятеля, построили Строгановы два городка, обнесли ихъ стѣнами, купили пушекъ, ружей и всякихъ военныхъ снарядовъ. Дѣла то у нихъ было пошли и хорошо, одно только дурно, что татары ихъ сосѣди имъ покоя не давали все грабили, да отнимали у нихъ; крѣпко задумали Строгановы, какъ бы имъ людей добыть для расправы съ Татарами, да пробраться подальше въ Сибирь.

Въ то время по Волгѣ много ходило казаковъ, которые только что и промышляли одними грабежами, да разбоемъ. Казаки эти были люди бездомовные и по большей части безсемейные, неуживались они на родинѣ, тѣсно имъ было тамъ. Сначала такихъ молодцовъ было немного, и ходили они недалеко, но въ послѣдствіи времени число ихъ

значительно увеличилось и стали они пробираться все дальше и дальше въ степи.

Всѣмъ, кому только было плохо жить на родинѣ, или за какое нибудь совершенное преступленіе угражало наказаніе поступали въ ряды казаковъ; между ними можно было встрѣтить всякаго сорта людей и убійцъ и воровъ и бѣглыхъ холоповъ. Сначала этотъ разгульный и удалой народецъ селился по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, но потомъ мало по малу сходились въ большія общества, гдѣ всѣ дѣла промежъ себя рѣшали вечемъ, или общимъ собраніемъ, выбирали себѣ атамановъ т. е. начальниковъ. Они то воевали съ сосѣдними татарами, то соединясь съ ними, вмѣстѣ нападали на русскія и литовскія земли, или занимались грабежами въ степяхъ, нападали на русскихъ проѣзжихъ купцовъ, однимъ словомъ дѣло дошло до того, что никому отъ нихъ не было ни проходу ни проѣзду, кто бы только имъ не попался подъ руку, пощады ужъ отъ нихъ не жди никакой. Царь Иванъ Грозный, увидалъ, что съ этимъ народомъ добромъ не сговорить, словъ и совѣтовъ они ничьихъ не слушаютъ и рѣшился противъ нихъ послать войско, много въ тотъ разъ переловили ихъ, многихъ казнили, а другіе сами ушли, но грабежи и разбои всетаки не прекращались.

Въ одной изъ такихъ разбойническихъ шаекъ былъ атаманомъ казакъ по имени Ермакъ Тимофеевичъ.

И что это за молодецъ такой былъ: росту былъ средняго, борода черная, волосы кудрявые, глаза свѣтлые, да такіе быстрые, однимъ словомъ ни сильнѣй, ни умнѣй, ни сановитѣй его не было въ цѣлой шайкѣ. Сначала этотъ Ермакъ служилъ на баркахъ, что ходили по Волгѣ и Камѣ, но не по сердцу была ему эта работа и ушолъ онъ къ Донскимъ казакамъ, набралъ себѣ тамъ шайку удалыхъ молодцовъ да и пошолъ съ ними по Волгѣ разбойничать. Никому не давалъ онъ спуску, кто бы только съ нимъ не встрѣтился, будь то царскіе люди, послы-ль иноземные, аль купцы русскіе ему было все равно и такой навелъ страхъ на всѣхъ этотъ Ермакъ, что одно имя его приводило всѣхъ въ ужасъ, скоро объ его удалыхъ подвигахъ узналъ и самъ царь Иванъ Грозный, послалъ онъ войско во чтобы ни стало, а поймать этого Ермака и его помошниковъ и казнить смертію. Узналъ какимъ-то, образомъ объ этомъ Ермакъ, да и удралъ съ своею шайкою въ Пермскій край, а въ томъ-то самомъ краю жили богатые купцы Строгановы. «Мы» говорили они, казакамъ для васъ все готовы сдѣлать, только недавайте насъ въ обиду Татарамъ, а то они въ конецъ насъ разорили. «Подумали, подумали казаки, да и остались у Строгоновыхъ и надарили тѣмъ казакамъ Строгоновы всякихъ подарковъ дорогихъ. Но не жилось нашему Ермаку на одномъ мѣстѣ, ужъ такая была у

него безпокойная натура, сталъ онъ распрашивать про Сибирь, про дорогу, какъ пройдти бы ему туда. «Если татары приходятъ сюда изъ Сибири, значитъ и къ нимъ можно пробраться» такъ рѣшилъ Ермакъ, жаль только, что орудій-то у насъ нѣтъ, а то бы мы сдѣлали дѣльце. Два года пробылъ Ермакъ у Строгановыхъ, защищая ихъ земли отъ нападенія татаръ, но какъ только сдѣлалось тихо и спокойно въ земляхъ Строгановыхъ, то снарядили они Ермака въ путь, дали ему въ помощь 300 человѣкъ, дали пушекъ и разнаго огнестрѣльнаго оружія и всѣмъ казакамъ положили жалованье. Отслуживши молебенъ и взявши проводниковъ, отправился нашъ Ермакъ въ путь. Четыре дня плылъ Ермакъ на платахъ по рѣкѣ Чусовой, а рѣчка эта такая быстрая, да каменистая, что часто приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть хоть нѣсколько, да съ силами собраться, такъ трудно было грести. Кое-какъ добрались однакожъ казаки и до верховьевъ рѣки Чусовой, но дошли до такого мѣста, что дальше ужъ плыть было нельзя, но Ермакъ не упадалъ духомъ, а гдѣ случится мель, возьметъ паруса, натянетъ, ихъ поперекъ рѣки, вода-то и приподнимется, такимъ образомъ судно-то одно за другимъ и проходило.

Вотъ такимъ-то маneромъ добрался нашъ Ермакъ и до Сибирскаго царства, до этого мѣста дошолъ онъ

благополучно, никакихъ приключеній съ нимъ на дорогѣ не случилось, встрѣчались съ нимъ люди, да только мало, да и тѣ были бродячіе, а только лишь вступили они въ царство Сибирское, то стали нападать на нихъ и татары; хоть храбро дрались татары, но все-таки они не могли устоять противъ войскъ Ермака, потому, что кромѣ стрѣлъ другихъ орудій у нихъ не было, а съ одними стрѣлами далеко не уѣдешь.

На рѣкѣ Тоболѣ попытались было татары удержать Ермака, протянули поперегъ рѣки желѣзныя цѣпи, да не простакъ былъ Ермакъ и тутъ исхитрился: велѣлъ онъ по больше пучковъ навязать изъ хвороста, нарядить этихъ чучелъ въ казацкое платье, и разставить ихъ въ лодкахъ, а самъ тѣмъ временемъ вышелъ на берегъ съ казаками, да и напалъ на татаръ съ тыла. Какъ увидали татары, что такое множество казаковъ въ лодкахъ сидитъ, да и на берегу еще, такъ только давай Богъ ноги, какъ пустились бѣжать, а Ермаку этого только было нужно, поднялъ онъ тѣ цѣпи и поплылъ себѣ дальше.

Прибѣжалъ тѣмъ временемъ къ Сибирскому царю Кучуму татаринъ, котораго было Ермакъ взялъ сначала въ плѣнъ, а потомъ, разпросивши его объ всемъ обстоятельно, отпустилъ обратно. Разсказалъ этотъ татаринъ Кучуму про войско Ермака, что войско его такое сильное, пресильное, что когда

изъ луковъ стрѣляетъ оно, такъ дымъ валитъ и громъ гремитъ, что хотя и не видать стрѣлъ тѣхъ, но онѣ всякій доспѣхъ насквозь пробиваютъ; Сильно задумался Кучумъ, но всетаки рѣшился безъ боя не уступать казакамъ, разослалъ по всему царству гонцовъ, чтобы всѣ готовы были идти на войну и когда набралось довольно ужь войска; то послалъ Кучумъ противъ Ермака племянника своего Маметкула съ 10-ю тыс. конницы, а самъ въ это время съ берега Иртыша рѣки наблюдалъ за сражающимся. Съ яростью напалъ Маметкулъ на Ермака, пять дней сражался съ нимъ, но все-таки никакъ не могъ одолѣть его и погубивъ безполезно много народа, принужденъ былъ обратиться въ бѣгство. Казаки отправились далѣе, но татары, не смотря на пораженіе, не хотѣли кончить это дѣло такъ, а продолжали себѣ ѣхать берегомъ, да пускать въ нихъ стрѣлы, и въ одномъ мѣстѣ собралось ихъ такое множество, что отъ стрѣлъ ихъ даже нельзя было и проѣхать. Разсердился Ермакъ, присталъ онъ къ берегу, бросился на Татаръ, всѣ до одного казака были изранены стрѣлами, но досталось порядкомъ и Татарамъ. Добрался Ермакъ и до Кучума, но насталъ вечеръ, сдѣлалось темно, да и казаки порядочно таки измучилися, а потому хотѣли отдохнуть немножко, чтобы собраться съ силами, но мѣста кругомъ были открытыя, расположиться для отдыху было не совсѣмъ безопасно, того и гляди нападетъ Кучумъ, да и заберетъ всѣхъ въ плѣнъ живьемъ. Осмотрѣвшись кругомъ, Ермакъ замѣтилъ вдалекѣ на берегу одинъ городокъ, взялъ его приступомъ и расположился тамъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Ночь въ то время была темная, претемная, подъ горою горѣли костры, на слѣдующій день татары думали вступить въ бой съ казаками. Собрались всѣ казаки въ кружокъ и стали держать промежъ себя совѣтъ, что имъ теперь дѣлать? одни говорили: «что надо домой отправляться, что и безъ того у нихъ довольно всякаго добра, что идти войною противъ Кучума — все равно, что на явную смерть;» другіе, которые были нѣсколько посмѣлѣе, настаивали на томъ, что во чтобы то ни стало, а кончить дѣло. коли назадъ побѣжимъ, говорили они, такъ худую себѣ славу наживемъ, а что татаръ-то много, эка бѣда какая, вѣдь доставалось имъ отъ насъ прежде, такъ отчего бы и теперь ихъ не побить, не такое дѣло обѣщали мы честнымъ людямъ Строгановымъ», послѣ долгаго совѣта и споровъ порѣшили казаки на томъ, чтобы идти войною противъ Кучума, чтобы тамъ ни случилось, и лишь только наступило утро, казаки напали на Кучума, много ихъ было побито, много поранено. Увидалъ Ермакъ, что дѣло-то въ самомъ дѣлѣ дрянь, народу-то его остает-

ся немного, схватился съ татарами въ рукопашный бой, началъ рубить ихъ саблями, да колоть копьями, жестоко дрались казаки, наконецъ столпились всѣ въ кучку, зарядили ружья и стали стрѣлять, крѣпко испугались татары, обратились въ бѣгство, кто куда попало, въ этой битвѣ былъ раненъ Маметкулъ; его татары вынесли съ поля сраженія, опечалился сильно Кучумъ, какъ увидалъ, что его войско разбито и побѣжалъ за нимъ вслѣдъ. Въ этомъ сраженіи съ татарами убито болѣе ста храбрыхъ казаковъ. Передохнувши нѣсколько дней, отправились казаки дальше и пришли они къ самой столицѣ Сибири, но въ городѣ они не встрѣтили ни одного человѣка, какъ будто все вымерло много нашли они здѣсь и золота и мѣховъ разныхъ и камней драгоцѣнныхъ, все конечно взяли себѣ и раздѣлили поровну. Когда татары увидали, что не одолѣть имъ казаковъ, стали они одинъ за другимъ приходить къ Ермаку, и просить мира. Послѣ всего этого сдѣлалось вездѣ спокойно, одинъ только разъ откуда то появился Маметкулъ и перебилъ двадцать казаковъ, въ то время какъ они занимались ловлею рыбы. Наступила весна, сталъ приготовляться къ походу Ермакъ, взялъ въ плѣнъ Маметкула и отправился далѣе. Куда только ни появлялся Ермакъ, вездѣ одерживалъ побѣду, но за то казаковъ-то значительно таки теперь поубавилось, изъ 840 человѣкъ осталось только около 300, а съ такимъ числомъ не совсѣмъ было безопасно оставаться въ этомъ краю, а потому Ермакъ и рѣшился просить у царя Грознаго помощи; послалъ онъ къ нему атамана Кольцо, того самаго, котораго Грозный вмѣстѣ съ нимъ приговорилъ къ смертной казни. Вотъ Кольцо прибылъ въ Москву, сильно обрадовался царь, какъ узналъ о подвигахъ храбрыхъ казаковъ, наградилъ Кольцо и его товарищей деньгами, сукнами, велѣлъ послать имъ большое жалованье, а Ермаку подарилъ богатую шубу съ своихъ плечъ, велѣлъ по церквамъ служить молебны, а Ермака величать въ грамотѣ княземъ Сибирскимъ. Вскорѣ послѣ этого Грозный отправилъ къ Ермаку двухъ воеводъ съ 500 стрѣльцовъ на помощь. Атаманъ Кольцо съ дружиной и воеводами возвратился опять въ Сибирь 1 марта 1583 г. и объявилъ Ермаку о милости и наградахъ Государя, всѣ радовались и веселились и долго такъ пировали они, но не надолго улыбнулось счастье Ермаку. Настала зима, да такая жестокая, что носу нельзя было показать на улицу, ни стрѣлять ни ловить рыбу, плохо пришлось казакамъ, всѣ съѣстные ихъ припасы истощились, ѣсть имъ было нечего, насталъ голодъ, пошли болѣзни, много погибло казаковъ.

Одинъ Сибирскій князекъ Карача, заманилъ об-

маномъ Кольцо съ его товарищами и всѣхъ ихъ до одного перерѣзалъ. Ермакъ рѣшился на отчаянное дѣло; разъ какъ то, въ то время, какъ татары спали, казаки большой толпой подкрались къ нимъ и принялись ихъ рѣзать, проснулись тѣ, но со сна не могли ничего понять, потому что ночь была такая темная претемная, и принялись въ потьмахъ рѣзать другъ друга, увидали Татары, что напрасно было бы продолжать далѣе битву и побѣжали вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ Карачею; Ермакъ бросился ихъ преслѣдовать, и много ихъ перебилъ. Наконецъ казаки, утомившись преслѣдованіемъ, причалили къ одному островку, разбили палатки, и легли отдохнуть, Ермакъ всегда былъ остороженъ, а на этотъ именно разъ, какъ нарочно, не поставилъ на всякій случай даже и караульныхъ.

Ночь была темная, да ненастная такая, дождь лилъ какъ изъ ведра, волны такъ и ходили по рѣкѣ. Между тѣмъ Кучумъ не дремалъ, цѣлый день наблюдалъ онъ за дѣйствіями Ермака, увидавши, что казаки расположнлись на отдыхъ, послалъ онъ одного татарина къ острову въ бродъ, чтобы провѣдать, что дѣлаютъ казаки. Татаринъ благополучно достигъ острова, нашедши казаковъ спящими, далъ объ этомъ знать Кучуму, а въ доказательство принесъ три ружья. Того-то и надобно было Кучуму, долго не думая, отправилъ онъ свое войско къ

острову, подкравшись къ спящимъ казакамъ, бросились на нихъ всѣ разомъ и всѣхъ ихъ до одного перерѣзали. Проснулся Ермакъ, быстро вскочилъ на ноги, бросился было на Татаръ, но какъ увидалъ, что всѣ его помощники перерѣзаны, бросился къ лодкамъ, хвать, а ихъ нѣтъ, вѣтромъ снесло на средину рѣки. Понялъ тутъ Ермакъ, что дѣла-то не совсѣмъ хорошія, кинулся въ воду, поплылъ, но рѣка, по которой онъ плылъ была такая быстрая, да широкая, что не хватило силы у Ермака переплыть ее, онъ потонулъ. Долго плакали казаки, узнавши о смерти своего храбраго атамана Ермака, воротились обратно въ Россію и чрезъ нѣсколько времени, по возвращеніи своемъ обратно въ Сибирь, возвратили опять то, что ими прежде было завоевано, и стали потомъ русскіе все дальше и дальше пробираться во внутрь Сибири и кончилось наконецъ тѣмъ, что вся огромная страна Сибирь сдѣлалась нашею Русскою землею.

До сихъ поръ еще сохранилась память объ Ермакѣ, въ рѣдкой избѣ Сибирской вы не встрѣтите его портрета, въ городѣ Тобольскѣ воздвигнутъ памятникъ Ермаку — покорителю Сибири.

Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.

Меньшиковъ происходилъ изъ простаго званія, родители его были такъ бѣдны, что у нихъ едва хватало средствъ, чтобъ прокормить свою семью. Когда Меньшиковъ выросъ, то онъ занимался продажею пироговъ, какъ умный и расторопный мальчикъ онъ съумѣлъ расположить къ себѣ покупателей такъ, что у него больше покупали, чѣмъ у другихъ пирожниковъ.

Разъ какъ то случайно встрѣтился Меньшиковъ съ наставникомъ царевича Петра Лефортомъ. Долго бесѣдовалъ Лефортъ съ Меньшиковымъ и замѣтивъ въ немъ бойкаго и умнаго мальчика пригласилъ его къ себѣ въ услуженіе. Меньшиковъ согласился. Государь Петръ Алексѣевичъ часто хаживалъ къ Лефорту въ гости, пришолъ какъ то разъ, того не было дома, Меньшиковъ доложилъ Государю, что Лефорта нѣтъ, но Петръ рѣшился обождать его, и отъ скуки вступилъ въ разговоры съ Меньшиковымъ. И былъ такъ пораженъ его умомъ и смѣтливостію, что взялъ его къ себѣ во дворецъ въ камердинеры.

Меньшиковъ всегда точно и акуратно исполнялъ всѣ порученія, какія ему дѣлалъ Царь, и такъ сильно полюбилъ его Петръ, что ни на минуту съ нимъ не разставался. Наконецъ онъ былъ опредѣленъ въ число потѣшныхъ, такъ что могъ видѣть ужъ Государя каждый день и говорить съ нимъ.

Для развлеченія Петра, когда онъ жилъ въ селѣ Преображенскомъ, и когда онъ былъ еще молодымъ царевичемъ, были набраны мальчики однихъ съ нимъ лѣтъ, съ этими-то мальчиками и проводилъ Петръ время въ разныхъ играхъ и представленіяхъ. Вотъ изъ нихъ-то и составилась въ послѣдствіи рота молодыхъ солдатъ и называлась она потѣшною, туда то и былъ зачисленъ нашъ Меншиковъ. Даже самъ Петръ, когда онъ былъ царевичемъ былъ зачисленъ въ эту роту простымъ барабанщикомъ и на равнѣ съ другими онъ также исполнялъ всѣ обязанности.

Эта рота потѣшныхъ сдѣлалась въ послѣдствіи времени основой русской арміи.

Хотя Меньшиковъ и служилъ въ ротѣ потѣшныхъ, но все таки онъ не оставлялъ обязанностей царскаго слуги и такъ сильно полюбилъ его Петръ, что не иначе называлъ его какъ Александръ.

Такъ какъ Петръ оказывалъ всегда почтеніе образованнымъ иностранцамъ, то чрезъ это пріобрѣлъ нерасположеніе къ себѣ старыхъ необразованныхъ и неученыхъ дворянъ, которымъ не нравились всѣ

преобразованія и улучшенія Петра, и они составили противъ него заговоръ, узналъ объ этомъ Меньшиковъ, донесъ Петру. Главные заговорщики были казнены смертію. Это еще болѣе расположило Петра къ Меньшикову, онъ видѣлъ въ немъ преданнаго слугу и съ этого времени Петръ дозволилъ ему присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ и совѣтахъ, гдѣ присутствовалъ лишь самъ. Предпринявши путешествіе по Европѣ Петръ взялъ съ собою и Меньшикова, такимъ образомъ Меньшиковъ удостоился присутствовать вмѣстѣ съ Царемъ при дворахъ многихъ иностранныхъ государей.

Послѣ смерти Лефорта, Меньшикову открылась болѣе широкая дорога для достиженія почестей, вскорѣ дѣйствительно онъ былъ пожалованъ генераль-маіоромъ, губернаторомъ Псковскимъ и получилъ отъ Государя въ подарокъ много вотчинъ и государь никогда ему ни въ чемъ не отказывалъ.

Въ 1700 году была война съ Шведами и Меньшикову поручена была команда драгунскимъ полкомъ.

Въ слѣдующемъ году онъ былъ пожалованъ Оберъ-Гофмейстеромъ Царевича Алексѣя Петровича, а въ 1762 году Германскій Императоръ пожаловалъ ему графское достоинство. За тѣмъ вскорѣ Меньшиковъ былъ пожалованъ губернаторомъ всѣхъ земель, завоеванныхъ у Шведовъ.

На завоеванной у Шведовъ землѣ задумалъ Царь

построить городъ Петербургъ, что теперь столица, гдѣ живетъ нынѣ благополучно царствующій Государь Александръ Николаевичъ со всѣмъ царскимъ домомъ.

Меньшикову, какъ генералъ губернатору и поручено было привести планъ построеній города въ исполненіе, ему былъ ввѣрен главный надзоръ за всѣми производившимися постройками. Вначалѣ это построеніе шло ни слишкомъ быстро, потому что война съ Шведами, которая еще продолжалась, много препятствовала къ скорѣйшему окончанію постройки города, но въ 1709 году Шведы были совершенно разбиты подъ Полтавою, тогда быстро начали возвышаться новыя зданія и берега Невы до того времени совершенно пустыя и голыя, украсились великолѣпными постройками. Меньшиковъ по желанію Государя, построилъ себѣ великолѣпный дворецъ на берегу рѣки Невы и поселился тамъ со всѣмъ своимъ семействомъ, дворецъ этотъ и теперь еще существуетъ въ немъ помѣщается первая военная гимназія.

Въ концѣ 1764 г. Меньшиковъ пожалованъ былъ Нарвскимъ генералъ губернаторомъ и произведенъ въ генералъ-поручики. Въ 1707 году пожалованъ былъ Меньшиковъ княземъ Ижорскимъ и превозглашенъ Генералъ Фельдмаршаломъ. Съ этого времени онъ сдѣлался первымъ въ государствѣ послѣ

Царя. Хотя самъ Петръ Великій не любилъ ни роскоши, ни пиршествъ, но поручалъ Меньшикову пріемъ иностранныхъ пословъ у него въ домѣ. Такимъ образомъ къ Меньшикову стали собираться всѣ знатнѣйшіе иностранцы и первые сановники въ государствѣ, Меньшиковъ поражалъ всѣхъ своею роскошью. Всѣ его уважали, и искали его покровительства, какъ любимца Государя. Кто бы могъ угадать, что пирожникъ, нѣсколько лѣтъ носившій по рынку лотки съ пирогами, могъ сдѣлаться такимъ великимъ и извѣстнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Довѣріе и любовь Царя къ Меньшикову еще болѣе увеличились послѣ Полтавской битвы, но Меньшиковъ, который такъ быстро достигъ такихъ высокихъ почестей, и въ рукахъ котораго были такія несмѣтныя богатства, что и представить себѣ нельзя, былъ не доволенъ всетаки ни этими почестями, ни этимъ богатсвомъ, а нерѣдко употреблялъ разныя преступныя средства для большгго обогащенія.

Нѣкоторые изъ вельможъ, узнавши объ разныхъ продѣлкахъ Меньшикова, донесли объ этомъ Государю; нечего и говорить какъ это удивило и еще больше огорчило Петра, онъ просто не хотѣлъ вѣрить этому, онъ цумалъ, что все это клевета, что люди доносятъ на него изъ за зависти, что онъ любимецъ Государя. Могъ ли думать, могъ ли допустить Петръ, чтобы человѣкъ, для котораго онъ не

щадилъ ничего, человѣкъ, съ которымъ онъ обращался, не какъ съ своимъ подданнымъ, но какъ съ равнымъ себѣ, какъ съ другомъ, могъ дойти до такой гадкой и черной неблагодарности. Для открытія этого дѣла Петръ назначилъ Коммиссію, начальство въ которой поручилъ князю Василію Долгорукому.

Коммиссія нашла Меньшикова вполнѣ виноватымъ. Когда Долгорукій доложилъ Государю, что Меньшиковъ дѣйствительно виноватъ въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ его обвиняютъ, Петръ подошолъ къ нему и сказалъ! «Я знаю, что ты не любишь Меньшикова, я знаю, что у него много враговъ, горе тебѣ, если я найду слѣдствіе, производимое тобою, несправедливымъ.

Когда Долгорукій изложилъ всѣ преступленія Меньшикова, выслушалъ Царь и только покачалъ головою, въ это время по обыкновенію вошолъ въ кабинетъ Государя и самъ Меньшиковъ.

«За что ты меня огорчаешь» сказалъ Меньшикову Петръ. Слезы покатились изъ глазъ Меньшикова и когда онъ хотѣлъ схватить руку Государя, то тотъ оттолкнулъ его и вскричалъ съ гнѣвомъ:

— «Неужели я ошибся въ тебѣ? Не ужели ты въ самомъ дѣлѣ таковъ, какимъ тебя нашла коммиссія, грущу объ томъ, что я поторопился наградить тебя такими почестями, ты не заслуживаешь

ихъ, прочь съ моихъ глазъ, ты спасъ мнѣ жизнь, за это ты награжденъ,—больше чѣмъ слѣдуетъ, но ты за добро, которое я сдѣлалъ для тебя, мнѣ зломъ заплатилъ. Прочь съ глазъ моихъ.»

Послѣ этого Меньшиковъ удалился изъ кабинета Царя.

Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Долгорукаго, продолжала слѣдствіе и вскорѣ открыла еще другія преступленія Меньшикова.

Государь, думалъ, что прежніе судьи изъ ненависти къ Меньшикову его обвиняютъ, назначилъ новыхъ, рѣшено было теперь допросить Меньшикова лично.

Въ назначенный день, самъ Государь пріѣхалъ въ собраніе коммиссіи. Коммисія собралась, Меньшиковъ вошелъ въ засѣданіе, обратясь къ Государю сказалъ!

— Государь, много виноватъ я передъ тобою, накажи меня, какъ ты хочешь, но только дай мнѣ возможность снова возвратить твою любовь и своею новой службою заслужить тѣ милости, какія ты до сего времени мнѣ оказывалъ!

Эти слова глубоко тронули Царя, онъ взялъ бумагу изъ рукъ Меньшикова и молча, сталъ читать ее. Когда кончилъ чтеніе, обратился къ одному изъ членовъ коммиссіи, спросилъ его, какъ слѣдуетъ поступить съ Меньшиковымъ.

«По моему мнѣнію, сказалъ членъ, Меньшикову должно публично отсѣчь голову, а имѣніе его отобрать въ казну».

Глубокая тишина наступила въ собраніи. Послѣ этого Петръ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ слѣдующему члену.

Одни говорили: чтобы сослать въ ссылку, другіе чтобы казнить. Когда Петръ выслушалъ по очереди мнѣнія каждаго, то обратился къ судьямъ и сказалъ:

— Когда дѣло идетъ о жизни, или чести человѣка, тогда правосудіе требуетъ, чтобы были оцѣнены какъ преступленія обвиняемаго, такъ и заслуги, оказанныя имъ отечеству; если заслуги берутъ верхъ надъ преступленіями, въ такомъ случаѣ милость должна хвалиться на судѣ, по моему мнѣнію, довольно и того, если мы сдѣлаемъ въ присутствіи суда Меньшикову строгій выговоръ и накажемъ его денежнымъ штрафомъ, соразмѣрнымъ его хищенію, а намъ Меньшиковъ нуженъ еще впередъ и еще онъ десять разъ успѣетъ заслужить прощеніе.

Такимъ образомъ Меньшиковъ былъ избавленъ отъ смертной казни, къ которой онъ былъ приговоренъ коммиссіею суда.

И дѣйствительно Меньшиковъ послѣ этого старался выполненіемъ своихъ обязанностей вполнѣ заслужить милость царя и возвратить снова его прежнюю любовь, но не на долго только его хватило

не много прошло времени, какъ Меньшиковъ снова былъ обвиненъ опять въ новыхъ преступленіяхъ.

Не смотря на то, что Александръ Даниловичъ Меньшиковъ былъ богатѣйшимъ человѣкомъ во всемъ государствѣ русскомъ, потому что кромѣ огромныхъ суммъ денегъ, у него было множество волостей и всякихъ деревень всего до 50,000 душъ крестьянъ, онъ всетаки отнималъ у сосѣдей земли, принималъ къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ, дѣлалъ всякія несправедливости; всѣ эти преступленія были раскрыты слѣдствіемъ.

На этотъ разъ ужь государь, приказалъ, чтобы онъ возвратилъ всѣ земли тѣмъ, у кого онъ ихъ насильно отнялъ, кромѣ того заплатилъ за убытки, которые понесли ихъ владѣльцы, и велѣлъ разослать болѣе 30,000 бѣглыхъ крестьянъ на свой счетъ.

Но прошло немного времени, какъ Меньшиковъ снова былъ уличенъ въ присвоеніи чужихъ земель, наконецъ Петръ вышелъ изъ терпѣнья и рѣшился предать Меньшикова на этотъ разъ суду.

Но по просьбѣ Императрицы Екатерины супруги Петра, Государь еще разъ рѣшился испытать на сколько искренее было раскаяніе Меньшикова.

Но въ 1723 году, Петръ сильно занемогъ отъ простуды, и въ январѣ мѣсяцѣ 1725 года и скончался.

Въ продолженіи всего времени, какъ былъ боленъ Петръ, Меньшиковъ ни на одну минуту не отходилъ отъ его постели ни на шагъ.

Послѣ смерти Петра на престолъ вступила Екатерина I, она освободила Меньшикова отъ суда и слѣдствія, въ уваженіе къ его прежнимъ заслугамъ.

Пріобрѣтя расположеніе Императрицы, Меньшиковъ снова одинъ управлялъ государствомъ, но къ сожалѣнію Императрица царствовала недолго, оставивъ престолъ внуку своему Петру II Алексѣевичу. Умирая, Екатерина завѣщала, чтобы наслѣдникъ ея, Петръ II женился на дочери Меньшикова.

Но счастье измѣнило Меньшикову, многіе изъ враговъ успѣли вооружить молодаго Императора противъ него, и какъ ни оправдывался Меньшиковъ, но на этотъ разъ онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, отрѣшенъ отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и изгнанъ изъ Петербурга.

Насталъ тотъ день, когда Меньшиковъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе; съ самого утра много любопытныхъ пришли посмотрѣть на выѣздъ Меньшикова, многіе грустили объ немъ, многіе ругали его.

Наконецъ показался Меньшиковъ на крыльцѣ, онъ шолъ медленно, за нимъ слѣдовала княгиня, сынъ князя и его дочь.

Недалеко отъ Твери Меньшиковъ былъ настигнутъ посломъ изъ Петербурга, которому было приказано отъ Императора, отобрать все имущество у Мень-

шикова, оставить ему только необходимое и вмѣсто ссылки въ Ораніенбургъ сослать въ самой дальній городъ Сибири—Березовъ. Услыхавъ этотъ приговоръ, Меньшиковъ закрылъ лицо и рыдая, упалъ на землю.

Кромѣ этого у Меньшикова были отобраны кареты, въ которыхъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга, вмѣсто ихъ ему дали простыя телѣжки, крытыя рогожей, а вмѣсто подушекъ въ нихъ лежали кули съ сѣномъ. Жена Меньшикова не могла перенести этого труднаго пути; ссылка въ Сибирь, и душевныя страданія заставили преждевременно ее слечь въ могилу, она умерла въ Тобольскѣ, тогда еще не значительномъ городкѣ.

Въ самую лютую зиму достигнули изгнанники Березова. Этотъ городъ находится въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, на нѣсколько сотъ верстъ кромѣ снѣжной степи, кругомъ нѣтъ ничего, ни одного деревца, ни одного жилья человѣческаго, самый городъ состоитъ изъ 10 полуразвалившихся избъ, съ окошками, въ которыхъ вставлены вмѣсто стеколъ куски льда, въ эту-то самую трущобу и сосланъ былъ Меньшиковъ. Хотя на содержаніе ему и отпускалось десять рублей въ день, но онъ на нихъ ничего не могъ ни сдѣлать ни купить, пища его состояла изъ простаго вина, сушеной мороженой рыбы, и вяленнаго мяса.

Нѣтъ возможности передать какія страданія вынесъ Меньшиковъ въ первое время своего пребыванія въ Березовѣ. Настало лѣто. Сидя на берегу рѣки Оби, вспомнилъ Меньшиковъ о своей прежней, роскошной жизни и грустно такъ сдѣлалось у него на душѣ, но не долго предавался онъ отчаянію, пришло ему въ голову построить церковь въ Березовѣ и при этой мысли ему сдѣлалось гораздо легче.

И вотъ на другой день послѣ этого раздумья, съ топоромъ въ рукѣ принялся онъ за работу и вскорѣ при помощи еще нѣсколькихъ человѣкъ построилъ онъ деревянную церковь, въ этой самой церквѣ и былъ похороненъ Меньшиковъ.

Когда умеръ Петръ II, то Императрица Анна Іонновна возвратила изъ сылки сына и дочь Меньшикова.

Составлено по брошурѣ изд. Редакц. «Вѣстника» и друг.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ.

Потемкинъ родился въ Смоленской губерніи, недалеко отъ города Смоленска. Отецъ его прежде былъ небогатой дворянинъ, служилъ онъ въ военной службѣ, но въ послѣдствіи, когда сдѣлался слабъ, то вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи и занялся хозяйствомъ. Всѣ помѣщики, жившіе съ Потемкинымъ по сосѣдству, очень полюбили его, часто собиралось къ нему большое общество, чтобы послушать разсказы его о военной службѣ, да о сраженіяхъ.

Отецъ Потемкина человѣкъ былъ очень богомольный, ужъ не за что бывало не пропустить обѣдни, а каждый праздникъ вмѣстѣ съ сыномъ ходилъ къ обѣдни, а въ будни, каждое утро и вечеръ проводилъ нѣсколько часовъ, читая или Евангеліе, или какую нибудь другую священную книгу.

Будучи самъ въ высшей степени религіознымъ, онъ отдалъ сына своего Григорія въ Семинарію.

Поступивши въ Семинарію, Потемкинъ сдѣлался по успѣхамъ лучшимъ ученикомъ во всей семинаріи.

По окончаніи курса наукъ въ Семинаріи, онъ былъ переведенъ въ Московскую гимназію, здѣсь въ

Москвѣ Потемкинъ познакомился со многими монахами и священиками и одинъ изъ нихъ представилъ Потемкина преосвященному Амвросію, который замѣтивъ, что Потемкинъ больше склоненъ къ свѣтской жизни, чѣмъ къ строгому монашескому уединеніи, посовѣтывалъ ему отправиться въ Петербургъ и тамъ поступить въ военную службу, онъ даже далъ ему 500 р. на дорогу и дѣйствительно по прибытіи въ Петербургъ, Потемкинъ былъ зачисленъ рядовымъ въ Конно-гвардейскій полкъ.

Въ 1762 году, когда вступила на престолъ Императрица Екатерина II, Потемкинъ былъ произведенъ въ вахмистры. Въ это время онъ сдѣлался извѣстнымъ Императрицѣ Екатеринѣ, которая, замѣтивъ въ немъ необыкновенныя способности и умъ пожаловала его въ камеръ-юнкеры своего Двора, и познакомила его съ важнѣйшими сановниками въ государствѣ.

Въ 1769 году началась первая война Россіи съ Турціею въ царствованіе Императрицы Екатерины Русской арміи, вступившей въ предѣлы Турціи, предстояло совершить весьма трудное дѣло—овладѣть неприступною турецкою крѣпостью Хотиномъ.

Главнокамандующимъ въ то время русскою арміею были князь Голицинъ. Наконецъ 29 августа русская армія заняла за Днѣстромъ сильную позицію и только ждали рѣшительнаго нападенія Турокъ. По-

темкинъ съ своимъ отрядомъ долженъ былъ защищать лѣсъ и недопускать турокъ обойти лѣвый флангъ русской арміи. Наконецъ раздался выстрѣлъ и началась кровопролитная битва. Турки бросились на русскіе окопы. Русское войско перешло въ наступленіе и турки отступили въ безпорядкѣ къ рѣкѣ. Многочисленное турецкое войско, защищавшее окрестности Хотина, въ этотъ день было разбито на голову и 9-го сентября того же года русскіе заняли Хотинъ, оставленный турками причемъ русскія войска взяли 228 турецкихъ орудій.

Военныя дѣйствія русскихъ въ Турціи были весьма успѣшны, Потемкинъ принималъ участіе почти во всѣхъ знаменитыхъ битвахъ этой войны. Битва въ окрестностяхъ города Фокшаны (въ Молдавіи) доставила славу и извѣстность Потемкину. Въ этой битвѣ десяти тысячной турецкій корпусъ былъ разбитъ совершенно русскимъ войскимъ.

Начальствуя различными отрядами, Потемкинъ учавствовалъ въ битвахъ при Рябой Могилѣ и другихъ, за свою храбрость получилъ орденъ Св. Георгія Побѣдоносца.

Наступила зима, русская армія расположилась на зимнихъ квартирахъ и Потемкинъ, пользуясь случаемъ, выпросилъ позволенія у Главнокомандующаго отправиться въ Петербургъ. Императрица Екатерина II ласково приняла Потемкина, наградила

его за всѣ услуги, которыя онъ оказалъ отечеству. Теперь Потемкинъ сдѣлался однимъ изъ важныхъ сановниковъ государства и приближенныхъ къ Императрицѣ.

Съ этого времени начинается быстрое возвышеніе Потемкина. По заключеніи съ турками мира, Потемкинъ былъ возведенъ въ графское достоинство и съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался ближайшимъ совѣтникомъ Императрицы Екатерины.

По окончаніи войны съ Турціею, Потемкинъ озаботился принять всѣ мѣры, чтобы обезопасить пріобрѣтенной русскими Новороссійскій край. Въ 1778 году были построены въ немъ многіе города: Екатеринославъ, Херсонъ, и друг.

Въ эти города стали переселяться много изъ Турціи грековъ и армянъ, такъ что Новороссійскій край, до того времени безлюдный, оживился дѣятельностью. Повсюду начали строиться села деревни, закипѣла торговля. Дѣятельность Потемкина еще больше расширилась, когда въ 1782 году, край былъ объявленъ русскою областью.

Императрица цѣнила умъ и способности Потемкина и щедро награждала его за заслуги, пожаловала его президентомъ государственной Военной коллегіи и генералъ-губернаторомъ Харьковскимъ, Екатеринословскимъ и Таврическимъ.

Занимая должность предсѣдателя, Потемкинъ про-

извелъ многія измѣненія въ вооруженіи и обмундированіи арміи, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы солдаты стриглись наголо, носили широкіе и свободные мундиры и просторныя куртки, для защиты отъ непогоды носили плащи, кромѣ того введены были легкія ружья.

Когда Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, Императрица Екатерина Великая въ награду за труды и дѣятельность Потемкина пожаловала ему 100000 р.

Когда Императрица вознамѣрилась отправиться въ вновь присоединеный Новороссійскій край, чтобы осмотрѣть его, Потемкинъ немедленно принялъ всѣ мѣры для приведенія Крыма и вообще Новороссійскаго Края въ самое цвѣтущее состояніе. Онъ не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ, послалъ множество людей въ Крымъ; работы производились и днемъ и ночью и вдругъ возникъ на Днѣпрѣ новый городъ, который вь честь Императрицы названъ былъ Екатеринославлемъ. Когда всѣ работы въ Новороссійскомъ Краѣ были окончены, Потемкинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Кіевъ, чтобы встрѣтить Императрицу. Потемкинъ такъ устроилъ, чтобы Императрица въ дорогѣ не чувствовала ни утомленія, ни скуки владѣльцамъ тѣхъ имѣній, чрезъ которыя должна была проѣзжать Екатерина отпущены были громадныя суммы денегъ, чтобы они имѣли возможность достойнымъ образомъ принять и встрѣтить Императрицу.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было ни помѣстій, ни домовъ, тамъ были Потемкинымъ устроены небольшіе красивые дворцы. Государыня, чтобы ознакомиться хорошенько съ краемъ: его нуждами и промыслами, часто проживала гдѣ день, гдѣ два на своемъ пути.

Когда Императрица, выѣхавши изъ Кіева, отправилась по Днѣпру, то по берегамъ были выстроены богатыя села, красивыя дачи; огромныя толпы народа сходились на берегъ привѣтствовать Государыню.

Наконецъ Императрица прибыла въ Кременчугъ, гдѣ для нея нарочно былъ выстроенъ великолѣпный дворецъ съ прекрасно расположенными садами.

Съ великимъ торжествомъ вступила наконецъ Императрица въ Херсонь и остановилась въ адмиралтействѣ, которое было великолѣпно разукрашено; для принятія державной посѣтительницы, одинъ тронъ, воздвигнутый въ немъ, стоилъ болѣе сорока тысячъ рублей Императрица Екатерина за устройство Новороссійскаго края присоединила къ фамиліи Потемкина почетный титулъ Таврическаго и съ этихъ поръ Потемкинъ сталъ именоваться княземъ Потемкинымъ Таврическимъ. Наступила весна и военныя дѣйствія въ Турціи снова начались, Турки защищались такъ храбро, что не было никакой надежды на скорое окончаніе войны. Но русскія брали одну крѣпость

за другой у турокъ, наконецъ они взяли самую главнѣйшую крѣпость турецкую Измаилъ.

Въ награду за свои военные подвиги Потемкинъ получилъ сто тысячъ рублей золотою монетою, вѣнецъ съ изумрудными лаврами, осыпанный крупными рѣдкими алмазами, цѣною въ сто пятьдесятъ тысячъ рублей. Кромѣ того Императрица приказала выбить въ честь Потемкина три золотыя медали съ его изображенiемъ.

По возвращенiи Потемкина въ Петербургъ, Императрица подарила ему дворецъ недалеко отъ Смольнаго монастыря, онъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами; стеченiе народа было громадное, весь Петербургъ былъ иллюминнованъ, въ честь его дано было рядъ роскошныхъ праздниковъ и великолѣпныхъ торжествъ.

Но вдругъ занемогъ Потемкинъ, съ нимъ случилось воспаленiе въ крови, и къ этой болѣзни присоединились душевные скорби о заключенiи съ турками мира, все это ускорило смерть и онъ умеръ на пути въ Николаевъ, куда онъ думалъ отправиться для поправленiя своего разстроенаго здоровья, умеръ на дорогѣ среди поля, чрезъ нѣсколько дней спустя, въ Яссахъ происходило печальное торжество похоронъ Потемкина. Тѣло его перенесено было послѣ въ Херсонъ, въ Соборную церковь Рождества Богородицы.

Составлено по брошурѣ изд. Ред. «Мiр. Вѣст.» и друг.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскiй.

Сперанскiй былъ сынъ священника, родился въ 1772 году, во Владимiрской губернiи въ селѣ Черкутинѣ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, его отвезли и отдали во Владимiрскую семинарiю на воспитанiе. Сперанскiй, обладая отличными способностями, скоро опередилъ своихъ товарищей; онъ такъ былъ прилеженъ, что даже въ свободное время, когда другiе гуляли, занимался чтенiемъ книгъ, читалъ все, что только ему ни попадалось подъ руку, читалъ безъ отдыху, а чтобы никто не мѣшалъ ему, заберется бывало на чердакъ, да и сидитъ себѣ тамъ, да почитываетъ. По окончанiи курса въ семинарiи, Сперанскiй былъ переведенъ въ главную семинарiю въ Петербургъ, откуда по окончанiи курса, былъ назначенъ учителемъ математики въ той семинарiи, въ которой воспитывался самъ, жалованье онъ тутъ получалъ самое ничтожное, а потому не могъ удовлетворить своимъ желанiямъ къ дальнѣйшему самообразованiю.

Но случилось одно обстоятельство, которое совершенно измѣнило карьеру Сперанскаго. Одному богатому вельможѣ Куракину нуженъ былъ домаш-

ній секретарь, митрополитъ Гавріилъ рекомендовалъ ему Сперанскаго и вотъ нашъ Сперанскій поступилъ къ нему секретаремъ, не оставляя въ то же время службы и по семинаріи; теперь его положеніе сдѣлалось гораздо лучше, чѣмъ прежде, правда, что работы для него было больше и работалъ онъ безъ отдыху и такъ скоро, что не успѣвали за нимъ переписывать писцы бумаги.

Вскорѣ послѣ этого Сперанскій женился на одной дѣвушкѣ Елизаветѣ Стифенсъ. Жили они скромно, нанимали маленькую квартиру, соблюдая во всемъ самый строгій порядокъ. Прислуга Сперанскаго состояла изъ одной кухарки и служанки.

Но къ несчастью Сперанскому не долго пришлось наслаждаться семейнымъ счастьемъ. Жена его разъ, отправляясь въ гости, упала изъ кареты и очень сильно убилась, отчего занемогла, но скрывала свою болѣзнь, боясь огорчить Сперанскаго; такъ что онъ до самой смерти и не зналъ объ опасномъ положеніи своей жены, которая въ отсутствіе его и умерла.

Одна только сильная любовь къ дочери и заставила Сперанскаго примириться съ потерею своей жены, которую онъ такъ сильно любилъ. Находя невозможнымъ оставить дочь подъ надзоромъ одной кормилицы, онъ отдалъ ее на воспитаніе къ одной его хорошой знакомой и каждый день, какъ

только оканчивалъ занятія, всегда заѣзжалъ узнать о своей дочери, а когда самому бывало почему нибудь нѣкогда, то посылалъ кого нибудь. 19 марта 1861 г. Сперанскій, по Высочайшему повелѣнію, былъ назначенъ статсъ-секретаремъ; этого достигъ Сперанскій по продолженіи $4\frac{1}{2}$ лѣтъ своей службы. Впослѣдствіи, по ходатайству графа Кочубея, Сперанскій получилъ аренду на 12 лѣтъ, которая приносила въ годъ болѣе 12,000 р. ас., и въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ получилъ два ордена.

Во время болѣзни Кочубея дѣла Государю докладывалъ Сперанскій; здѣсь Государь имѣлъ случай поближе познакомиться съ Сперанскимъ, и тотъ своею необыкновенною ловкостью и расторопностью умѣлъ понравиться Государю, и съ тѣхъ поръ Государь сталъ поручать ему разныя важныя дѣла.

По совѣту Сперанскаго было сдѣлано постановленіе, чтобы никто не былъ опредѣленъ безъ того, пока онъ не кончитъ курсъ наукъ въ какомъ либо изъ заведеній, или училищъ.

Въ началѣ царствованія Императора Александра I, были задуманы нѣкоторыя преобразованія по отношенію къ управленію государствомъ и это важное дѣло преобразованія было поручено Сперанскому.

Съ необыкновеннымъ усердіемъ принялся онъ за

составленіе проэкта преобразованія и такъ повелъ это дѣло скоро, что въ одинъ годъ уже планъ проэкта преобразованія былъ вполнѣ готовъ и представленъ на разсмотрѣніе Государя, который сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя поправки и измѣненія.

По плану Сперанскаго сдѣлано преобразованіе Государственнаго Совѣта. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ 35 человѣкъ; въ этомъ совѣтѣ присутствовалъ самъ Императоръ; государственнымъ секретаремъ былъ назначенъ Сперанскій.

Съ этого времени начались постоянныя засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ; разъ въ недѣлю въ этомъ Совѣтѣ присутствовалъ постоянно самъ Императоръ. Съ этого времени всѣ важнѣйшія государственныя бумаги выходили изъ подъ пера Сперанскаго. Нужно удивляться тому, когда этотъ человѣкъ находилъ время только для отдыха,—онъ такъ работалъ усердно, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ немогъ разогнуть спины и часто не могъ ѣсть, не принявъ напередъ лекарства.

Денежное положеніе его улучшилось, такъ что Сперанскій могъ себѣ теперь купить домъ; онъ выписалъ дочь свою, которая была съ бабушкой въ Кіевѣ.

Но, не смотря на то, онъ велъ все таки, по прежнему, весьма простой образъ жизни: жилъ скромно,

уединенно, рѣдко показывался въ свѣтъ, потому что работалъ съ утра и до глубокой полночи, не отдыхая. При тѣхъ ограниченныхъ всетаки средствахъ, какія имѣлъ Сперанскій, онъ боялся впасть въ долги, а потому не позволялъ себѣ дѣлать многихъ расходовъ, или тратить деньги на удовольствія.

Но счастье вдругъ перемѣнилось: противъ Сперанскаго возстали почти всѣ классы въ государствѣ; въ Петербургѣ и въ Москвѣ, его начали обвинять въ измѣнѣ.

Слыша постоянныя обвиненія Сперанскаго, Государь былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и какъ ни грустно, какъ ни жаль было ему Сперанскаго, но онъ рѣшился удалить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и отправить въ Нижній-Новгородъ. Когда на другой день съѣхались члены Государственнаго Совѣта, то Государь велѣлъ объявить имъ, что онъ самъ не будетъ присутствовать, и когда после засѣданія пришелъ съ докладомъ къ Государю Голицынъ:—«Ваше Величество! нездоровы? спросилъ тотъ у Императора. «Если бы у тебя отсѣкли руку, отвѣчалъ онъ, ты вѣрно кричалъ и жаловался бы на боль, а у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго; а онъ былъ моею правою рукою».

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній-Новгородъ,—писалъ Сперанскій своей тещѣ. «Я уже здѣсь совершенно

устроился и вполнѣ покоенъ касательно своего будущаго, думаю лишь только о той минутѣ, которая насъ должна соединить вмѣстѣ». И дѣйствительно, онъ такъ былъ спокоенъ и веселъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не происходило до этого времени.

Здѣсь въ Нижнемъ онъ каждый день прогуливался, занимался чтеніемъ книгъ и воспитаніемъ дочери, и вообще чувствовалъ себя совершенно бодрымъ и здоровымъ.

Но враги Сперанскаго не удовольствовались ссылкою его въ Нижній—и не оставляли его въ покоѣ: доносъ слѣдовалъ за доносомъ; они такъ съумѣли вооружить противъ него Государя, что онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы его изъ Нижняго переправили въ Пермь.

До какой степени были всѣ вооружены противъ Сперанскаго, можно судить потому, что когда его семья переправлялась изъ Петербурга въ Нижній, то ее почти на каждой станціи осыпали бранью.

По пріѣздѣ въ Пермь, поселился Сперанскій въ домѣ купца Попова. Этотъ купецъ въ молодости питалъ къ Сперанскому глубокое уваженіе и, часто бывая къ Петербургѣ, сильно добивался хоть бы разъ взглянуть на Сперанскаго, но ему это все не удавалось.

Вначалѣ его пріѣзда въ Пермь, положеніе Сперанскаго было просто невыносимо: гдѣ бы онъ не появлялся, его вездѣ встрѣчали бранью и насмѣшками, и при встрѣчѣ съ нимъ сворачивали въ сторону.

Сибирь—земной рай въ сравненіи съ Пермью, писалъ Сперанскій Толстому; враги мои считаютъ меня за милліонера, между тѣмъ какъ я нуждаюсь въ самомъ необходимомъ. «Среди всѣхъ горестей, писалъ Сперанскій Императору, я не могу себѣ представить, чтобы Вашему Величеству угодно было допустить притѣснять меня тѣмъ, подъ чьимъ надзоромъ я нахожусь. Уважая драгоцѣнное время ваше, я не осмѣливался жаловаться на тѣ притѣсненія, которыя мнѣ дѣлали въ Нижнемъ. Въ Перми я по возможности старался привыкать къ своему ужасному положенію; но положеніе мое здѣсь нисколько не отличается отъ человѣка, находящагося подъ карауломъ; если бы я былъ одинъ, то я еще могъ бы перенесть эти оскорбленія; но, среди семейства, быть подъ карауломъ—невыносимо. Государь! Умилосердись надо мною и не предавай меня на поруганіе тѣхъ, кто хочетъ изъ положеніи моего сдѣлать себѣ выслугу.» Въ отвѣтъ на это письмо, сдѣлано было подтвержденіе Губернатору, дабы высочайшая воля вполнѣ, но не далѣе предѣловъ, ею назначенныхъ, была исполняема, и назначено было Сперанскому 6000 р. въ годъ съ удовлетвореніемъ и за прошедшее вре

мя, со дня его удаленія. Это обстоятельство нѣсколько измѣнило къ нему отношеніе многихъ лицъ: они теперь стали гораздо доброжелательнѣе и обходительнѣе къ нему. Но потомъ положеніе дѣлъ измѣнилось: Сперанскій былъ назначенъ Пензенскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, и повелѣно было ему, сверхъ губернаторскаго жалованья, выдавать то жалованье, которое ему было назначено въ Перми; а чрезъ нѣсколько времени онъ получилъ и аренду еще на 12 лѣтъ. Нечего говорить о пріемѣ, какой ему былъ сдѣланъ въ Пензѣ. Вскорѣ послѣ этого Сперанскій былъ назначенъ Сибирскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Въ тотъ день, въ который Сперанскій долженъ былъ выѣхать изъ Пензы, дворянство и купечество устроило въ честь его обѣдъ, и въ день отъѣзда огромное количество народа сопровождало его, и никто не могъ удержаться отъ слезъ — такой былъ благодѣтель этотъ Сперанскій. Чрезъ два года Сперанскій былъ снова возвращенъ въ Петербургъ, сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, и за управленіе Сибирью получилъ въ награду около 3000 десятинъ въ Пензенской губерніи, а дочь его пожалована въ фрейлины. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая I, положеніе Сперанскаго измѣнилось: онъ снова занялъ почетное мѣсто; въ 1839 году былъ возведенъ въ графское достоинство; но не долго

пришлось ему пользоваться расположеніемъ и милостью Царя — онъ умеръ и похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ. На похоронахъ его присутствовалъ самъ Императоръ. Ему поставленъ памятникъ изъ краснаго гранита.

Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Отецъ Суворова былъ крестникомъ Императора, дослужился до самаго высшаго чина генералъ-аншефа и имѣлъ нѣсколько деревень, изъ которыхъ въ одной почти постоянно жилъ, когда былъ въ отставкѣ. Сынъ Суворова былъ необыкновенно живой и бойкій мальчикъ, привычный ко всякимъ лишеніямъ: бывало рѣки замерзать станутъ, а онъ не обращаетъ никакого вниманія; ему все равно, идетъ ли дождь, грязь ли на дворѣ. Сначала все это тревожило отца; но когда онъ увидалъ, что отъ этого вреда его сыну нѣтъ никакого, то успокоился и пересталъ ему запрещать его любимыя упражненія. Отецъ его былъ такихъ мыслей, что дѣтямъ необходимо рѣзвиться, и что тѣхъ, которыя сами не хотятъ этого дѣлать, полезно даже заставлять.

Но не въ однѣхъ только шалостяхъ проводилъ время Суворовъ, онъ очень много посвящалъ времени на ученіе, особенно на чтеніе книгъ. Не нужно было его заставлять учиться, онъ учился по доброй волѣ; иногда даже случалось, что его насильно отрывали отъ занятій. Ужь такой былъ этотъ мальчикъ Суворовъ:—у него учиться, такъ учиться, гулять, такъ гулять—середины онъ не любилъ.

На двѣнадцатомъ году Саша уже зналъ гораздо болѣе многихъ пожилыхъ людей того времени. Всѣ знакомые отца Суворова часто разговаривали съ его сыномъ и удивлялись его необыкновеннымъ способностямъ и памяти.

Еще на 7-мъ году отъ роду Саша называлъ себя солдатомъ. Съ этихъ поръ онъ постоянно бредилъ военною службою и постоянно объ этомъ толковалъ съ своимъ отцомъ. Когда ему отецъ дѣлалъ какой нибудь выговоръ, онъ всегда отвѣчалъ, что солдатъ долженъ привыкать ко всему. Спустя нѣсколько лѣтъ, Суворовъ зачислилъ своего сына въ гвардейскій Семеновскій полкъ. Суворовъ прошелъ всѣ степени солдатскаго званія, начиная съ рядоваго и кончая фельдфебелемъ. Прошло слишкомъ 12 лѣтъ, пока Суворовъ получилъ первый офицерскій чинъ, которымъ онъ вполнѣ могъ гордиться, какъ чиномъ, который онъ пріобрѣлъ однѣми только заслугами,

безъ всякаго покровительства. Въ первый разъ Суворовъ выказалъ свои военныя способности въ семилѣтнюю войну. Эта война была между Австріею и Пруссіею. Храбрость Суворова увѣнчалась успѣхомъ: Пруссаки должны были сдаться, побѣда была на сторонѣ Русскихъ.

Геройскіе подвиги Суворова скоро сдѣлались извѣстны всей арміи. Въ арміи не было ни одного человѣка, который бы не зналъ его, тогда какъ большая часть солдатъ не знала даже многихъ старыхъ своихъ генераловъ. Отецъ Суворова, бывшій тогда Губернаторомъ, радовался, услыхавъ о подвигахъ своего сына.

Также счастливо окончена была Суворовымъ и польская война. Когда онъ послѣ представился во дворцѣ Екатеринѣ, то она приняла его ласково и долго съ нимъ разговаривала. Во дворцѣ назначался балъ: Суворовъ получилъ приглашеніе.

Много одержалъ блистательныхъ побѣдъ Суворовъ, въ сраженіяхъ съ Турками съ Поляками, и отовсюду выходилъ побѣдителемъ. За взятіе Праги и Варшавы, столицы Царства Польскаго, Суворовъ былъ пожалованъ въ Фельдмаршалы—ему былъ посланъ фельдмаршалскій жезлъ.

Ужасные безпорядки, которые происходили во Франціи и грозившіе гибелью всѣмъ европейскимъ

государствамъ, заставляли не на шутку задуматься Императрицу. Положено было русскимъ войскамъ соединиться съ австрійскимъ, и Суворовъ долженъ былъ принять начальство надъ ними.

Онъ превосходно обдумалъ планъ будущихъ своихъ дѣйствій и сильно досадовалъ на австрійцевъ, которые составили свой планъ войны.

Данъ былъ приказъ о вступленіи въ походъ подъ начальствомъ Суворова, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ. «Когда Батюшка Суворовъ съ нами, и побѣда будетъ наша», говорили солдаты. Толпы итальянцевъ съ криками и торжествомъ вездѣ встрѣчали и провожали Суворова и его войско.

Суворовъ былъ въ восторгѣ, что пришлось ему имѣть дѣло съ такимъ искуснымъ непріятелемъ, какъ были Французы, да и у Французовъ были полководцы, съ которыми не такъ то легко справиться; это не турецкіе визири или паши. На Турокъ бывало Суворовъ нагрянетъ, и они его. Показался, напримѣръ, французскій отрядъ, нагрянь на него, тотчасъ самъ попадешь въ бѣду; но не смотря на это, Суворовъ всетаки одерживалъ вездѣ и всегда побѣду. Въ четыре мѣсяца Италія была свободна отъ власти Французовъ, въ рукахъ которыхъ оставалось еще два-три города: взято было 25 крѣпостей, 80,000 плѣнныхъ. Какъ узналъ Наполеонъ,

Императоръ французскій, о побѣдахъ Суворова, такъ съ ума было сошелъ и въ досадѣ на Французовъ сказалъ: «Безумцы! Они погубили всѣ мои побѣды. Суворовъ въ одинъ походъ уничтожилъ годы трудовъ моихъ». Въ восторгѣ былъ Русскій Императоръ, получившій донесеніе о побѣдахъ Суворова; вездѣ служили благодарственные молебны и провозглашали многолѣтіе Фельдмаршалу Суворову — Рымникскому. Курьеръ за курьеромъ безпрестанно ѣздили изъ Петербурга въ Италію съ наградами. Но не одинъ народъ русскій, а и другіе славили италійскаго героя и гордились имъ. Въ Англіи на торжественныхъ обѣдахъ провозглашали тостъ въ честь его; выбита была медаль съ изображеніемъ завоевателя Италіи.

Новый геройскій подвигъ надлежало совершить Суворову: путь въ Швейцарію лежалъ чрезъ высочайшія Альпійскія горы; дорогъ никакихъ не было, а только узенькія тропинки, по которымъ распѣвая шли наши солдаты. Была осень, шли сильные дожди, иной разъ бѣдненькіе до костей промокнутъ, а все идутъ; но этотъ переходъ стоилъ многихъ жертвъ, низвергнувшихся съ утеса въ бездну. Нерѣдко эти жертвы, стремглавъ, несясь съ высоты, хватались то за скалу, то за дерево, однимъ словомъ за все, что попадалось имъ подъ руку; но и изъ этого затрудни-

тельнаго положенія они вышли побѣдителями. Суворовъ увидѣлъ не только измѣну, но и предательство со стороны Австріи,— планъ его сраженія былъ разстроенъ.

Рѣдкое явленіе въ военной исторіи этотъ швейцарскій походъ Суворова: первые полководцы въ свѣтѣ могли бы имъ гордиться; этотъ походъ, по всей справедливости, можетъ считаться вѣнцомъ воинской славы Суворова. У швейцарцевъ даже отмѣчены на географическихъ картахъ мѣста, гдѣ проходилъ съ своимъ войскомъ Суворовъ. За этотъ походъ и побѣды Суворовъ былъ произведенъ въ чинъ Генералиссимуса всѣхъ россійскихъ войскъ. Но Суворовъ, не окончивши войну, былъ отозванъ изъ Швейцаріи въ Петербургъ, а на дорогѣ заболѣлъ и умеръ. Долго плакали солдаты, узнавъ о кончинѣ своего полководца. Прахъ Суворова покоится въ Александро-Невской Лаврѣ. Лежа на смертномъ одрѣ, онъ не оставался равнодушнымъ, а раздавалъ приказанія, строилъ разные планы осады и битвъ. Ему воздвигнутъ памятникъ въ Петербургѣ, на площади близъ Троицкаго моста.

#召召Минииъ и Пожарскій.

Послѣ смерти Бориса Феодоровича, который, за болѣзнью царя Феодора, управлялъ государствомъ русскимъ, на престолъ вступилъ сынъ его Феодоръ. Въ это самое время появился въ предѣлахъ России человѣкъ, который выдавалъ себя за спасеннаго царевича Дмитрія, брата Феодора, который, какъ вамъ извѣстно, былъ убитъ въ Угличѣ. Человѣкъ этотъ, называвшій себя царемъ, былъ никто иной, какъ дьяконъ разстрига, по имени Гришка-Отрепьевъ. По его-то приказанію былъ низвергнутъ съ престола Феодоръ Борисовичъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ его матерью. Мать настоящаго Дмитрія, убитаго въ Угличѣ, признала его своимъ сыномъ и въ 1606 году самозванецъ съ 2000 Поляковъ прибылъ въ Москву, но въ томъ же году былъ убитъ. Царемъ послѣ него выбрали Князя Василія Ивановича Шуйскаго. Но такъ какъ Шуйскій былъ выбранъ нѣсколькими боярами, то вслѣдствіе этого въ землѣ Русской начались бунты и всякіе раздоры. Въ это тяжелое для России время, появился другой самозванецъ, также называвшій себя спасеннымъ отъ убійцъ Дмитріемъ. Къ нему присоединились

Поляки, казаки и разные русскіе бродяги. Города одинъ за другимъ сдавались ему безъ всякаго сопротивленія. Ужь онъ дошелъ до Москвы и остановился въ подмосковномъ селѣ Тушино; цѣлыхъ полтора года держалъ онъ Москву въ осадномъ положеніи, но никакъ не могъ ее взять. Другое его войско, находившееся подъ Сергіевымъ монастыремъ св. Троицы, дѣйствовало также безъ всякаго успѣха. Въ Москвѣ въ это время происходили ужаснѣйшіе безпорядки: одни были на сторонѣ самозванца, другіе стояли за Василія. Сначала войско самозванца одержало было верхъ надъ Василіемъ, но скоро была подана помощь ему Шведами, при помощи которыхъ войско русское, подъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго, побѣдило Поляковъ и разсѣяло войско его. Но вскорѣ король польскій Сигизмундъ, желая поставить на престолъ московскій сына своего Королевича Владислава, поднялся войною на Русскую землю; тѣ, которые прежде были на сторонѣ самозванца, теперь, желая какимъ-то ни было образомъ свергнуть съ престола Шуйскаго, пристали къ войску Сигизмунда. Самозванецъ, увидавъ, что дѣло его плохо, убѣжалъ въ Калугу. Въ это самое время умеръ и бояринъ Михаилъ Васильевичъ Шуйскій въ Москвѣ. Войско Поляковъ между тѣмъ было уже близко къ Москвѣ; противъ

него былъ высланъ Дмитрій Шуйскій съ своею дружиною; но тѣ, которые были въ войскѣ Шуйскаго, изъ ненависти къ брату его, завладѣвшему престоломъ, неохотно сражались за него. Предводитель Поляковъ, Жолкевскій, побѣдивши Дмитрія, пошелъ къ столицѣ. Здѣсь, на Дѣвичьемъ полѣ, 17 Августа 1610 года бояре заключили договоръ, чтобы на престолъ выбрать сына короля Польскаго Сигизмунда, Владислава.

Но намѣреніе Сигизмунда было не только поставить на престолъ своего сына, но и завладѣть всѣмъ Московскимъ государствомъ и присоединить его къ Польшѣ. Тогдашній глава духовенства, патріархъ Гермогенъ, сталъ призывать народъ на защиту русской вѣры, и въ скоромъ времени, подъ предводительствомъ боярина Прокопія Ляпунова, собралось огромное ополченіе Русскихъ и въ 1611 году подступило къ Москвѣ; но Поляки, видя, что нѣтъ имъ никакой возможности одолѣть Русскихъ, зажгли Москву со всѣхъ сторонъ, и когда ополченіе прибыло въ Москву, то нашло одни обгорѣлые дома и церкви; только Кремль и Китай-городъ уцѣлѣли отъ пламени. Цѣлыхъ четыре мѣсяца держали Русскіе Москву въ осадномъ положеніи. Поляки, находившіеся въ то время подъ Смоленскомъ, услыхавъ, что поднялась вся земля Русская, рѣшились во что-

бы то ни стало взять Смоленскъ и послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія имъ удалось таки завладѣть этимъ городомъ. Послѣ взятія Смоленска, король Сигизмундъ, вмѣстѣ съ панами, отправился въ Варшаву, куда и привезли плѣннаго царя русскаго Василія Шуйскаго съ братьями. Поляки устроили праздникъ, и заставили плѣннаго московскаго государя при всѣхъ сенаторахъ кланяться польскому королю; они такъ веселились и тѣшились своими побѣдами, думая, что навсегда покорили русскій народъ.

На бѣду Русскихъ, Шведы взяли Новгородъ, въ Псковѣ явился опять новый самозванецъ, и Псковъ призналъ его за царя. Взбунтовались Черемисы, вооружились Татары. По всей землѣ Русской ходили шайки разбойниковъ разнаго происхожденія и званія. Московское Государство было на краю гибели.

Въ это время выступилъ на дѣло спасенія Руси Діонисій, архимандритъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Въ то время, вездѣ, около Москвы, по русскимъ селеніямъ ходили Поляки; они грабили, жгли, и убивали Русскихъ. Часто приходили несчастные мученики въ монастырь съ выколотыми глазами, съ вырѣзанною спиною. Для этихъ-то страдальцевъ Діонисій устроилъ больницы, гдѣ одни выздоравливали, другіе отправлялись на тотъ свѣтъ. Діонисій посылалъ повсюду монаховъ для сбора мертвыхъ тѣлъ. Много

было такихъ, которыхъ находили въ лѣсахъ и на поляхъ въ страшныхъ мукахъ, другихъ - замерзшихъ отъ холода. Посланные Діонисіемъ приносили тѣла въ монастырь, гдѣ ихъ и предавали погребенію.

Діонисій вмѣстѣ съ келаремъ Авр. Палицинымъ написалъ грамоту и разослалъ ее по всѣмъ городамъ русскимъ, призывая всѣхъ, кому только дорога святая вѣра и отечество, идти на освобожденіе его отъ Поляковъ.

Такая грамота пришла и въ Нижній Новгородъ, въ Октябрѣ 1611 года. Въ то время воеводою тамъ былъ Алябьевъ; онъ съ своимъ товарищемъ Репнинымъ созвалъ весь городъ; собрались на воеводскій дворъ всѣ дворяне и дѣти боярскіе. Тутъ, въ числѣ прочихъ, былъ одинъ староста Кузьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ. Занятіе этого Минина была торговля скотомъ, а прежде онъ служилъ въ войскѣ воеводы Алябьева и былъ немного знакомъ съ ратнымъ дѣломъ. Этотъ-то староста Мининъ и прочелъ народу присланную граммоту.

На другой день послѣ того зазвонили въ большой колоколъ у св. Спаса, сошлись всѣ въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ обѣдни взошелъ на амвонъ протопопъ Савва и прочелъ народу грамоту.

Когда вышелъ народъ изъ собора и собрался подлѣ церкви, тогда староста Кузьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью:

«Православные люди! Коли намъ похотѣть помощь подать Московскому Государству — не пожалѣемъ животовъ нашихъ, продадимъ свои дворы: отдадимъ женъ нашихъ въ кабалу; станемъ грудью за Русскую землю; совершимъ великое дѣло, если насъ Богъ благословитъ; слава будетъ намъ отъ всей земли Русской, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю: только мы на это дѣло подвигнемся — многіе города тогда пристанутъ къ намъ, и мы вмѣстѣ съ ними дружно отобьемся отъ иноземцевъ.»

Всѣ бывшіе тутъ въ одинъ голосъ изъявили свое согласіе на предложеніе Минина.

«Ты, Кузьма Захарьевичъ, будь надъ нами начальникъ, тебѣ отдаемся на всю твою волю.»

Стали потомъ думать, кого бы изъ бояръ выбрать имъ начальнымъ человѣкомъ всего ополченія. Нужно было такого человѣка, которому было бы знакомо военное дѣло, и который бы ни въ чемъ дурномъ не было замѣченъ. Выборъ палъ на одного князя— Дмитрія Михайловича Пожарскаго; ужь онъ не разъ ходилъ съ войскомъ противъ Поляковъ. Онъ былъ первый, который съ переднимъ отрядомъ вошелъ въ Москву, когда Поляки зажгли ее; въ то время онъ былъ жестоко раненъ, и былъ отправленъ въ свою деревню, за сто двадцать верстъ отъ Нижняго-Новгорода.

Вотъ къ этому-то самому Пожарскому и пріѣхали печорскій Архимандритъ Өеодосій съ нѣсколькими посадскими людьми просить его отъ всего Нижняго-Новгорода принять начальство надъ ополченіемъ, собраннымъ для защиты Русской земли.

На это князь Пожарскій изъявилъ свое полнѣйшее согласіе.

«Я радъ, сказалъ онъ посланнымъ, за православную вѣру и отечество пострадать и смерть принять, а вы изберите мнѣ въ помощь такого человѣка, который бы сохранялъ казну и распоряжался раздачею жалованья ратнымъ людямъ.—Задумались посадскіе, кого бы имъ только выбрать, кто могъ бы быть годнымъ на такое важное дѣло, и не рѣшили этого.

На это имъ князь Пожарскій сказалъ: «У васъ въ городѣ есть такой человѣкъ, по имени Кузьма Захарьевичъ Сухорукъ: человѣкъ онъ бывалый, ему такое дѣло можно смѣло поручить!»

Посланные воротились въ Нижній и разсказали на сходкѣ, что имъ отвѣчалъ князь Дмитрій Михайловичъ. Тогда всѣ приступили къ Кузьмѣ Захарьевичу Минину-Сухоруку: стали просить, чтобы онъ принялъ на себя завѣдываніе этимъ дѣломъ.

Тогда Мининъ не рѣшался долго, наконецъ согласился, велѣлъ написать мірской приговоръ на

свой выборъ, приложить къ нему руки, и тотчасъ отравилъ его къ князю Пожарскому.

Получивъ въ свои руки власть, Мининъ принялся собирать казну со всѣхъ людей. Онъ поставилъ цѣновщиковъ: оцѣнивалъ дворы, скотъ, всякое имѣніе и отъ всего бралъ деньгами пятую часть, а у кого не было денегъ, то продавалъ имѣніе. Не давалъ онъ льготы ни священникамъ, ни монастырямъ,—и всѣ платили. Безъ такой раскладки обойтись было нельзя, потому что въ семьѣ не безъ урода: одни готовы были не только добро, но и животъ свой положить за святое дѣло; другіе же думали отдѣлаться одними пустыми рѣчами да посулами. Честнымъ людямъ подобная раскладка не могла быть не пріятна, они бы и такъ безъ всякаго принужденія дали бы столько, сколько могли; нѣкоторые даже давали гораздо больше, нежели сколько слѣдовало.

Извѣстіе про нижегородскія дѣла живо разнеслось по всей землѣ Русской, ратные люди толпами стали приходить въ Нижній, многіе города присылали денегъ. Пожарскій устроивалъ войско, Мининъ раздавалъ жалованье, кто что по своей службѣ заслуживалъ; дворяне, у которыхъ были помѣстья, жалованья не брали. Когда все было готово, Пожарскій и Мининъ двинулись въ походъ. Поляки и-

русскіе измѣнники перепугались, бросились къ Патріарху и приказывали ему вернуть ополченіе назадъ. Гермогенъ имъ на это отвѣчалъ: «да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на спасеніе отечества; а вы измѣнники, будьте прокляты!» Поляки такъ разсердились за это на Патріарха, что уморили его голодомъ. Казаки также перепугались: они очень хорошо понимали, что Пожарскій и Мининъ не допустятъ ихъ грабить и своевольничать по землѣ Русской; и какъ казаки ни старались помѣшать возстанію городовъ, однако имъ этого никакъ не удалось сдѣлать; пытались было и Пожарскаго убить — не удалось и это. Какъ только граммота приходила въ какой нибудь городъ, то сейчасъ посылали разсыльныхъ собирать въ городъ людей, составить ополченіе, назначали когда ему выходить и куда идти, кому оставаться беречь городъ, готовили порохъ и оружіе, а бабы пекли сухари и приготовляли сухое толокно въ походъ ратнымъ людямъ. Скоро въ Нижній стали стекаться изъ всѣхъ городовъ ополченіе за ополченіемъ. Пожарскій устраивалъ на свой счетъ кормы, а Мининъ раздавалъ жалованье.

Ополченіе тѣмъ временемъ подвигалось впередъ. Пожарскій побивалъ казачьи шайки, на пути собиралъ ополченіе, и потому къ Москвѣ пришелъ не

скоро. Тутъ онъ съ Мининымъ рѣшилъ, чтотакъ какъ честнымъ земскимъ людямъ опасно стоять вмѣстѣ съ ворами казаками, то для ополченія разбить особый станъ. Сильно разобидѣлись на это казаки и чуть было не вышло изъ этого для Пожарскаго худа. Но вотъ напалъ на Пожарскаго полкъ Поляковъ, долго бился и сталъ одолѣвать. Казаки не трогались съ мѣста, смотрѣли на битву, сложа руки, и издѣвались: «Пришли вы богаты, отстоитесь и одни». Однако и между казаками нашлись честные люди; они не вытерпѣли и бросились на Поляковъ. Тутъ же подоспѣло свѣжее войско и Поляки были побиты. Чрезъ два дня опять завязался бой. Казаки то дрались, то уходили съ поля сраженія, осыпая бранью Пожарскаго. Плохо пришлось ополченію, не подъ силу наконецъ ему было продолжать упорную битву, и стали Мининъ и Пожарскій просить Авраамія Палицина, чтобъ тотъ уговорилъ казаковъ драться. Отправился Палицинъ къ казакамъ въ станъ, началъ ихъ уговаривать, хвалилъ ихъ храбрость, и говорилъ имъ, «что такъ какъ они начали уже великое дѣло освобожденія родины, то ужь слѣдуетъ его и докончить, а не бросать.» Казаки послушались Палицина и бросились въ бой; хотя дѣла Русскихъ и поправились послѣ этого, однако побѣда все не давалась въ руки Пожарскому. Начало вечерѣть; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны, всѣ со слезами молились. Въ это время подоспѣлъ къ Пожарскому Мининъ и сталъ у него просить людей, чтобы ударить на Поляковъ. «Бери кого хочешь», сказалъ ему Пожарскій. Мининъ взялъ у него три отряда и съ ними бросился на передовой отрядъ непріятелей; Поляки попятились назадъ. Видя это, все ополченіе ударило дружно на непріятелей; Поляки не могли выдержать натиска Русскихъ и побѣжали; а на другой день, когда взошло солнце, ихъ уже не было подъ Москвой: ушли далеко назадъ.

Теперь оставалось только выгнать тѣхъ Поляковъ, которые засѣли въ самой Москвѣ. Но между казаками и земскими опять пошли споры, да раздоры: казаки ужь хотѣли было уйдти назадъ домой, и если бы ни Діонисій троицкій Архимандритъ вмѣшался въ это дѣло и не послалъ къ казакамъ богатыхъ ризъ, стихарей и другихъ церковныхъ сокровищъ, то казаки бы ушли и дѣло Русскихъ было бы проиграно. Совѣстно стало казакамъ, отослали они назадъ Діонисію присланное имъ церковное добро и дали слово—не уходить раньше того, пока не кончится дѣло. Поляки и тѣ русскіе люди, которые въ Москвѣ неволей сидѣли вмѣстѣ съ ними, терпѣли во всемъ великую нужду. Голодъ былъ та-

кой, что ѣли человѣческое мясо. Отцы ѣли своихъ дѣтей, господа слугъ. Какъ ни храбры были Поляки, но при такомъ положенiи держаться долго было нельзя; но они все-таки не унывали, не теряли еще надежды на то, что король пришлетъ имъ помощь или самъ придетъ, но никто не приходилъ, и насталъ такой голодъ, что цѣлыми сотнями валилъ народъ. Поляки, переѣвши своихъ лошадей, стали ѣсть собакъ, мышей, крысъ, грызли разваренную кожу отъ сапоговъ, принялись потомъ и за человѣческiя тѣла. Кто умиралъ—на того голодные бросались и пожирали его; кто посильнѣе, тотъ съѣдалъ слабаго. Узнавши объ этомъ Русскiе, что непрiятели ихъ въ такомъ ужасномъ положенiи, стали ихъ крѣпче тѣснить, и 22-го октября сдѣлали сильный приступъ на Китай-городъ. Голодные Поляки выбились изъ силъ, ужь они не могли обороняться: покинули Китай-городъ и заперлись въ Кремлѣ. Взявши Китай-городъ, Русскiе окружили Кремль, но ужь Поляки не думали защищаться. Сперва они выпустили русскихъ боярынь съ дѣтьми, а на другой день прислали къ Русскимъ просить пощады, сдаваясь-же военноплѣнными, вымаливали они себѣ только жизнь. Пожарскiй далъ обѣщанiе, что ни одинъ плѣнникъ не погибнетъ отъ меча русскаго.

Наконецъ ополченiя казаковъ и Пожарскаго со-

шлись у двухъ разныхъ церквей и, взявши иконы и кресты, разными улицами двинулись въ Китай-городъ; огромныя толпы народа валили вслѣдъ за ними. Оба ополченiя сошлись у Лобнаго мѣста и только-что начался молебенъ, какъ изъ кремлевскихъ воротъ показался третiй крестный ходъ: шло кремлевское духовенство и несло Владимiрскую Божiю Матерь; народъ, увидавъ святую икону, закричалъ отъ радости, и оба ополченiя и весь народъ вмѣстѣ съ духовенствомъ запѣли: «Тебѣ Бога хвалимъ!»

Въ Кремлѣ и въ Китай-городѣ было найдено у Поляковъ много добра, не хватало только у нихъ съѣстныхъ припасовъ; вездѣ были у нихъ разставлены котлы съ человѣческимъ мясомъ. Все добро Поляковъ Мининъ забралъ въ казну и по приказу Пожарскаго отдалъ казакамъ вмѣсто жалованья. Плѣнниковъ раздѣлили между казаками и земскими; казаки почти всѣхъ до одного перебили своихъ плѣнниковъ.

Услыхавъ объ этомъ, король польскiй Сигизмундъ торопился подать помощь Полякамъ въ Москвѣ, но ужь было поздно и время было ни то: не только какъ прежде, ни сдавался не одинъ городъ королю, но даже ни одинъ изъ Русскихъ не прiѣзжалъ къ нему въ станъ, бить челомъ королевичу; пытался было передовой полкъ короля взойдти въ Москву,

но его здѣсь встрѣтили воеводы русскіе и прогнали. Сигизмундъ вернулся домой. Совершилось великое дѣло: выборный человѣкъ Козьма召 Мининъ и воевода князь Дмитрій Пожарскій очистили Москву отъ иноземцевъ, спасли Московское Государство. Теперь оставалось выбрать царя. Бояре и воеводы послали гонцовъ во всѣ концы Русской земли, велѣли звать въ Москву всѣ духовныя власти и выборныхъ отъ дворянъ и отъ всякихъ иныхъ людей. Бояре и воеводы просили, чтобы всѣ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли о государскомъ избраньѣ полные договоры. Когда всѣ съѣхались въ Москву, то назначенъ былъ трехдневный постъ, а потомъ начались соборы. Прежде всего рѣшили между собою, чтобъ изъ иноземныхъ королей и королевичей въ цари русскіе никого не выбирать, а выбирать природнаго русскаго. Но произошли несогласія: всякій хотѣлъ своего, а иные добивались до царства сами, подкупали и засылали. Но не надолго тянулись эти споры. На одномъ изъ соборовъ какой-то дворянинъ подалъ грамоту, что прежнимъ царямъ ближе всѣхъ приходится родней Михаилъ Федоровичъ Романовъ и что его и слѣдуетъ выбрать въ цари русскіе. Въ тоже время подалъ грамоту Донской атаманъ; въ грамотѣ его тоже было

сказано: что природный царь есть Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Родъ Романовыхъ издавна пользовался любовью народа, начиная отъ первой жены Ивана Грознаго, Анастасіи. Объ ней и объ многихъ другихъ изъ фамиліи Романовыхъ народъ сохранилъ добрую память, а живымъ былъ отъ всѣхъ почетъ и любовь.

Еще въ то время, когда былъ свергнутъ съ престола Василій Шуйскій, многіе ужъ хотѣли посадить на царство Михаила Романова, да былъ онъ очень молодъ тогда, а Поляки своего Владислава навязали. А теперь, какъ сказали дворянинъ и атаманъ, такъ и соборъ рѣшилъ: на царство посадить Михаила Романова. Когда бояре и выборные всѣ съѣхались и прибыли посланные съ вѣстію, что весь народъ хочетъ царемъ Михаила, то назначили послѣдній соборъ. Въ недѣлю православія, 21-го февраля 1613 года, каждый выборный подалъ грамоту; пересмотрѣли всѣ грамоты, — вездѣ было написано одно имя: Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Послали четырехъ человѣкъ на Красную площадь, гдѣ толпился народъ; посланные стали на Лобномъ мѣстѣ и спросили у народа: кого онъ хочетъ въ цари? «Михаила Федоровича Романова!» закричалъ народъ. Отслужили молебенъ и на эктеніи помянули избраннаго царя Михаила, и отправили къ нему пословъ.

Въ то время Михаилъ проживалъ вмѣстѣ съ своею матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Ему было тогда еще только 16 лѣтъ. Послы пріѣхали и стали просить его принять престолъ Московскій, но Михаилъ отказался; не соглашалась даже на это и мать его инокиня Марфа. «Гдѣ же ему, такому еще молодому, говорила она, государствомъ-то управлять, съ такими людьми, какъ нынѣшніе, сладить, это все равно, что на явную гибель идти, то и ему на царство вступить».

Долго со слезами упрашивали послы Михаила, долго умаливали его, даже грозили ему, что Богъ накажетъ его, если онъ отвергнетъ просьбу народа; наконецъ-то Михаилъ согласился, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и обѣщалъ быть скоро въ Москвѣ.

Сусанинъ.

Чрезъ нѣсколько дней новоизбранный царь выѣхалъ изъ Костромы и прибылъ въ Ярославль 21-го марта, гдѣ и помѣстился въ Спасскомъ монастырѣ. Здѣсь онъ пробылъ нѣсколько недѣль и выступивши изъ Ярославля, ѣхалъ въ Москву медленно. Надобно было для него отстроить и приготовить

царскія палаты, потому что въ Кремлѣ было все разорено Поляками. Молодой царь увидалъ въ какое тяжелое для него время суждено было принять царство. Земская Дума, состоявшая изъ выборныхъ людей, извѣщала царя изъ Москвы, что въ казнѣ нѣтъ ни одной копѣйки, а служилые люди обступали царя и требовали жалованья. Бѣдность такъ была велика, что провожавшіе царя служилые люди шли пѣшкомъ, отъ того, что не на что было имъ купить лошадь и содержать ее. Но больше всего печалило молодаго царя, что по всей землѣ Русской бродили тогда разбойническія шайки, то большею частью были казаки: они мучили, грабили и убивали людей. Къ самому царю, когда онъ ѣхалъ, выступили на встрѣчу обожженные, искалеченные люди. Увидѣвши ихъ, царь такъ, говорятъ напугался, что даже хотѣлъ было воротиться ужь назадъ, и жаловался на то, что послы, которые пріѣзжали просить его на царство, обманули его, увѣряя, что все въ Московскомъ государствѣ тихо и спокойно, а между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, оказалось совсѣмъ не то. Но духовенство упросило его и онъ, 2-го Мая, пріѣхалъ въ Москву, которая чуть только начинала отстраиваться послѣ разоренья. 10-го Іюля Михаилъ вѣнчался на царство.

Поляки и Литовцы, разорявшіе Россію, узнавъ объ избраніи на царство Михаила, вознамѣрились схватить его, отправить въ Польшу и тамъ умертвить.

Для чего одинъ изъ начальниковъ грабившихъ отря-
довъ пустился къ Костромѣ въ помѣстье Романо-
выхъ. Время было тогда ненастное, начинало вече-
рѣть, какъ Поляки, сбиваясь съ дороги, встрѣтили,
близъ деревни Деревницъ, крестьянина Ивана Суса-
нина и стали его разспрашивать о дорогѣ въ село
Домнино, къ боярскому двору, гдѣ жилъ тогда мо-
лодой Михаилъ. Но умный крестьянинъ догадался,
что не даромъ они про дорогу ко двору спраши-
ваютъ, вѣроятно имѣютъ намѣреніе убить царя, и,
желая спасти Богомъ избраннаго Михаила, вызвался
самъ проводить ихъ, а, между тѣмъ, показывая видъ
будто чего-то ищетъ, успѣлъ приказать зятю своему,
что бы онъ какъ можно скорѣе спѣшилъ въ Дом-
нино для увѣдомленія Михаила о предстоящей ему
опасности; самъ же, помолясь Богу и поручая
себя его святой десницѣ, ведетъ злодѣевъ въ про-
тивную сторону, притворяясь, что ищетъ дороги,
въ темнотѣ будто ее потерялъ, блуждая съ ними
по болотамъ и глубокимъ оврагамъ; наконецъ, раз-
считывая, что Михаилъ уже могъ окольными путями
удалиться въ Кострому, объяснилъ имъ, что онъ
ихъ нарочно завелъ въ противную сторону, что-бы
спасти Михаила.

Варвары уговариваютъ его, обольщаютъ награда-
ми, угрожаютъ наконецъ мучительною смертію. Уже
сабли блестятъ надъ головою Сусанина, но ничто не

въ силахъ отвратить его отъ принятаго намѣренія,
ничто не можетъ устрашить его. Поляки пришли
въ бѣшенство, что онъ завелъ ихъ въ противопо-
ложную сторону, туда, гдѣ не было царя.

«Ты обманулъ насъ», сказали они Сусанину.—«Не
я, отвѣчалъ Сусанинъ, вы сами себя обманули. Не-
ужели вы думали, что я выдамъ вамъ царя? Ми-
хаилъ Федоровичъ теперь спасенъ. Вы далеко отъ
его помѣстья. Вотъ голова моя, дѣлайте съ нею
что хотите; поручаю себя Богу». При этихъ словахъ
Поляки повергаютъ его на землю и ударами сабли
отрубаютъ ему голову. Такъ вѣрный Сусанинъ, спа-
сая царя, принялъ вѣнецъ мученическій; Михаилъ-
же, извѣщенный зятемъ Сусанина объ угрожавшей
ему со стороны Поляковъ опасности, уѣхалъ окрест-
ными дорогами въ Кострому, въ Ипатьевскій мона-
зналъ, гдѣ царь, но не выдалъ тайну эту ни однимъ
стырь, куда прибыла и его мать. Крѣпокъ духомъ былъ
Сусанинъ: онъ словомъ; его замучили до смерти, но че-
стное имя костромскаго поселянина, рѣшившагося на
такой великій подвигъ, и теперь помнитъ благодарное
потомство не забудетъ его и черезъ тысячу лѣтъ. По-
томству Сусанина дарованы были льготы: оно избавле-
но отъ всякихъ податей, и въ томъ селѣ, гдѣ жилъ
этотъ крестьянинъ, крестьяне не платятъ никакихъ по-
винностей и извѣстны подъ именемъ бѣлопашцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ: